

Сергей Семипядный

Восходящие
вихри
ложных версий

Сергей Семипядный

Восходящие вихри ложных версий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24153537

ISBN 9785448520938

Аннотация

Оперуполномоченный уголовного розыска Гвидон Тугарин постоянно, независимо от «времени суток и влажности воздуха», ощущает себя вовлечённым в «движения криминальной атмосферы планеты». Обладая «развитой способностью к умственным упражнениям, пульсирующим сознанием и деятельной совестью», он с неизменной самоотверженностью следует по маршруту отработки избранной версии совершения преступления, имеющей полное право быть опровергнутой в результате изобличения истинного преступника.

Содержание

Сближенные контрасты	5
Покойница покидает морг. Версии похищения труп	5
И после смерти человека окружают люди	11
Два оперуполномоченных и испуганный лжец в белой клетке больничной палаты	16
Гвидон Тугарин в роли наёмного убийцы	27
На службе у хозяина	36
Порою тяжкие переживания озаряет ложный свет прозрения	43
Пенсионер с собакой и человек, вооружённый пистолетом Макарова	50
Гвидон Тугарин применяет методы личного сыска	54
Скалыга, нечистая сила и Бог	64
Портрет автора записки	78
Гвидон Тугарин надевает маску художника и волокиты	82
Многозубый смех пассажиров трамвая	94
Как хороши, как свежи будут розы...	98
В жанре войсковой операции	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Восходящие вихри ложных версий

Сергей Семипядный

© Сергей Семипядный, 2017

ISBN 978-5-4485-2093-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сближенные контрасты

Покойница покидает морг. Версии похищения трупа

На площади малого числа страниц автор может не успеть рассмотреть своего героя. Тем более если герой существо не бесцветное, а напротив – фигура незамкнутая, с развитой способностью к умственным упражнениям, пульсирующим сознанием и деятельной совестью.

В замочную скважину небольшого рассказа автор рискует разглядеть, без необходимой, впрочем, внутренней в том уверенности, не реально существующую в его воображении данность, а замороженную в туманистом ореольчике представлений и проявлений некую человекоподобную персонафикацию, недопустимо лишённую элементов органических, иррациональных, таинственных. Он рискует увидеть нечто вроде до безумия конкретно мыслящего киборга, электромоточеловека – в глухой, лишённой воздуха самоулучшаемости трубе материальной жизни людей.

Удивительно ли, что внимательный сочинитель склонен отдать предпочтение романной форме повествования? В этом случае незачем спешить, можно спокойно послу-

шать звуки часов, звонко выщипывающих секунды времени из пространства спящего человека.

Старый будильник, ранее коротко и пренебрежительно позвякивавший по утрам, самопроизвольно поправился и теперь, покряхтывая, дозванивает до конца. Гвидон Тугарин ещё не проснулся, но сон уж непостижимым образом утрачивает реальность и обращается в собственно сон, неожиданно обрывающийся и распадающийся на нелепые, несопоставимые осколки.

– Ха-ха! – восклицает обрадованный Гвидон. – А я-то уж подумал, что это всерьёз и надолго, как у Ленина НЭП... Да-а, после таких встрясочных снов начинают, надо полагать, рассасываться рубцы и спайки.

Гвидону собеседник не нужен, он говорит сам с собою.

Однако телефонный звонок, словно наглая черта жирного фломастера, подчёркивает настоящее. Так уж повелось – патологические эффекты эпохи отбрасывают цветные тени телефонных звонков.

– Тугарин, срочно в отдел!

Голос Хряпина полон тревожной значительности.

– А что случилось-то, Александр Петрович? За окном воскресенье. Вся физиология моя сопротивляется...

Тугарин опустил в кресло и приступил к водружению голых ног на журнальный столик. Соединённый с фривольной позой разговор с начальством Гвидон относил к методам модного ныне выдавливания из себя раба, к которым, между

тем, себя лично никогда не относил. И телефонный вариант самоутверждающего общения с начальственными особами он почитал вполне освоенным. Вот и сегодня центральное зеркало трельяжа с услужливой достоверностью подтвердило это обстоятельство.

– А плевать на твою физиологию! – неожиданно рявкнул Хряпин. – Тут, понимаешь, покойники из морга уходят! Физиология! Без всякой физиологии улетучиваются. Чтоб через пятнадцать минут был здесь, физик паршивый!

– Какие покойники? Куда улетучиваются? – Тугарин смущённо покосился на свои вдруг побледневшие ноги.

– Куда-а-а, каки-и-ие! Труп Скальги – несчастный случай вчера в гаражах был – выкрали из морга. Сегодня ночью. Давай быстрее! Отгуляешь как-нибудь.

– Не может быть! Кому он нужен!

Гвидон попытался вскочить на ноги, но зацепился правой ступнёй за столик, утратил равновесие и, прижав телефонную трубку к животу, упал на пол.

– Алло! Алло! – растерявши все признаки доминантности, кричал, лёжа на паласе, Гвидон. – Кто выкрал труп?

Вид расколотого аппарата объяснил звукосмисл ответного молчания и бросил серую тень досады на тревожный фон только что полученного сообщения.

– Чепуха!.. Недоразумение!.. Дурацкая шутка!..

Этими словами Гвидон отбивался от безумного роя элементов бессознательного. Но они, эти элементы, продолжа-

ли стремиться актуализироваться в поднебесье господствующих вершин сознания.

И всё-таки в отдел Гвидон Тугарин явился вооружённым убойной версией. В кабинете Хряпина, кроме самого Александра Петровича, он застал Маврина, который в это воскресенье дежурил от уголовного розыска, и следователя прокуратуры Василия Фёдоровича Переплешина.

– Василий Фёдорыч, повтори, пожалуйста, вкратце для Гвидона Антоныча. Это его тебе сегодня в помощь даю. А может, и в дальнейшем оперативная часть следствия на нём будет.

– Вкратце? Хорошо. Главный бухгалтер малого предприятия «Металлоид» Екатерина Борисовна Скалыга вчера была убита электротоком. Несчастный случай. Пошла утром в гараж, а там у них часть электропроводки, в районе ввода в гараж, не была заизолирована. А позавчера, как вы, наверное, помните, ветер был ураганный. Так вот, шест деревянный с антенной повело, и он завалился в сторону и прижал оголённые провода к металлическому козырьку гаража. Скалыга взялась только за навесной замок – её и шибануло. Соседи по гаражу «скорую» на всякий случай вызвали, но она, конечно, уже и не нужна была. Ожоги, разумеется, страшные, и колготки от ступней и чуть не до колен расплавились. Осмотрели, в общем, место происшествия – думали ж, что убийство, – а труп отправили в морг. А сегодня звонят – трупа в морге нет. Всё обшарили – нет и всё, что ты будешь де-

лать.

– А всё равно думаю, – Александр Петрович скептически покачал головой, – что-то там напутали. Сделать полную инвентаризацию. В морозилке, может... Там у них трупы – штабелем. Точнее, не штабелем, а навалом.

– Среди распотрошённых её тело могло затесаться, – высказал предположение Маврин. – Ну, среди готовых к выдаче родственникам.

– Нет, утверждают, исключено. Ещё вчера вечером пропажу обнаружили. Всё обыскали – нет, и как не бывало. Мы тоже не верили. Дежурный же ваш выезжал ночью. Где он, кстати?

– Дежурство сдаёт. Скоро подойдёт, – ответил Хряпин и предложил: – Давайте прикинем, кому это было нужно. У следствия какая версия? Может, имеем и не несчастный случай всё-таки?

– Да я уже семнадцать лет работаю – сроду такого не бывало, чтобы убийцы труп из морга выкрали.

– То, что такого у нас, Василий Фёдорыч, ещё не было, отнюдь не значит, что этого вообще не могло быть, – возразил Хряпин. – Кто, сами посудите, мог так сильно не желать вскрытия? Мне думается, именно тот, на кого могло пасть подозрение, получи мы результаты исследования.

– Но тут же не отравление – электротравма, – пожал плечами Переплешин. – Вполне типичная. Чего-то эдакого, что наводило бы на какое-то подозрение, не обнаружено. Ниче-

го. Совершенно.

– Пропустить напряжение можно и через труп, – упорствовал Хряпин, но, впрочем, без особого энтузиазма.

– Маловероятно. Скалыгу видели за пятнадцать минут до обнаружения трупа, когда она, ещё живая и невредимая, шла в сторону своего гаража. А вообще-то в гараж обычно её муж ходит. Но в этот день он ногу подвернул, точнее, накануне, – вот она и пошла за машиной.

Тугарин участия в разговоре не принимал. Он сидел, скрестив руки на груди и вскинув голову, ждал, как поле под парами, своего часа. На звуки голосов коллег, выпускавших из губ своих хилые предположения, согбенные от неуверенности их творцов, Гвидон лишь нехотя скашивал глаза и неслышно усмехался уголком рта.

Бездвижный внешне, он, словно уголёк в ладонях, перекатывал в сознании огненное зерно возвращённой им версии. Разве мало в последнее время пишут о такого рода бизнесе, как поставка за рубеж органов человеческого тела? А изготовление учебных пособий, выварка скелетов, например, – чем не бизнес? Это и вообще в каких угодно условиях организовать можно, вплоть до самой отсталой провинции. Невостребованных покойников, вполне вероятно, может и не хватить для этих целей.

И после смерти человека окружают люди

Хряпин пообещал в ближайшие дни не давать Тугарину свежих материалов. У него даже была мысль пообещать Тугарину, что заберёт он, Хряпин, у подчинённого своего, если очень уж потребуется, один-два материальчика, чтобы тот больше времени смог уделить необычному хищению. Мысль была – обещания не последовало.

Половину воскресного дня Гвидон провёл в морге, затем мотался по городу, разыскивая и опрашивая всех лиц, имевших или могущих иметь хоть какое-либо отношение к случившемуся. Результат был нулевым – ни малейшей зацепки.

Не нашёл Тугарин санитаря Волкова, домой с работы не явившегося, поэтому оставалась некоторая надежда на него, на санитаря Волкова. Быть может, он что-то важное сообщит, когда явится к Тугарину по оставленным на его имя повесткам, в квартире его и на работе.

А вечером, почти ночью, было принято решение временно не предавать огласке факт исчезновения из морга трупа. По предложению Тугарина. Хряпин поначалу воспротивился, однако Гвидон заявил, что не стоит исключать возможности, что к похищению тела погибшей Екатерины Скалыги мог иметь отношение кто-то из её близких.

– И что это даст? – прищурился Хряпин и принялся тере-

бить усы.

– Посмотрим.

– Они потребуют труп для захоронения.

– Надо чтобы в морге сказали, что необходимо дополнительное исследование органов.

– А реагенты ожидаются из Москвы? – усмехнулся Хряпин.

– Из Австралии. Необходимо время.

В понедельник у Тугарина был муж пострадавшей, Михаил Ильич Скалыга, а потом две подруги потерпевшей, Фоменко и Кошелева. Скалыга взволнованно спрашивал, как ему быть в этой ситуации. Ведь на двенадцать часов назначен вынос тела. Всё подготовлено к погребению. И ресторан заказан. Родственники съехались. Об обстоятельствах несчастного случая ничего дополнительно не сообщил. «Если бы я знал!.. Но там у всех такая проводка, снаружи – голый провод».

Когда шла беседа с Кошелевой, в кабинет вошёл Хряпин. Он вошёл лишь затем, чтобы передать Маврину документы по факту разбоя, совершённого прошедшей ночью, однако, обнаружив напротив Тугарина интересную женщину, извлечь себя с равнодушной своевременностью из кабинета подчинённых не сумел и потому соблаговолит задержаться и даже задать Кошелевой несколько вопросов, светски легковесных.

Подруги Скалыги оказались подругами хоть и недавнего,

но всё-таки прошлого – с того времени, как супруги Скалыги серьёзно занялись бизнесом, виделись они с Екатериной Скалыгой всё реже и реже.

– Катю месяца два я не видела, – сообщила Кошелева, – а Михаила и вообще чуть ли не полгода. Вчера, правда, он прислал какую-то девушку за ключами от их квартиры. Катя в последний свой приход ко мне забыла их, да так и не забрала потом. Я, когда обнаружила ключи, а обнаружила я их не сразу – через какое-то время, то и не догадалась, что это её. И она не зашла почему-то.

– Может, думала сначала, в другом месте оставила или потеряла, – предположил Тугарин.

– Может быть. А потом, возможно, некогда было.

Гвидон задал ещё множество вопросов, но всё без толку.

– Подруги, пусть даже и бывшие, а всё одни какие-то общие фразы, – недовольно сказал Тугарин после ухода Кошелевой. – Вот, например, Кошелева. Александр Петрович, тебе не показалось, что эта подруга Скалыги что-то темнит, что-то не договаривает. Как минимум. А? Ты видел, как она на вопросы отвечала? Обратил внимание? Все слова свои взвешивала, обдумывала всё самым тщательнЕйшим, как сказал бы Руслан Имранович, образом. Ой неспроста-а...

– Ну поговори с ней ещё раз, – прикуривая (он решил покурить в кабинете подчинённых), ответил Хряпин. – Только что это даст, не знаю. Хотя, конечно, женщина она внешне приятная. Я бы, пожалуй, разорился на один вечерок. А ес-

ли серьёзно – может, она просто человек такой. Есть люди, у которых только под пыткой сведения получить... И интереса-то у них никакого – нет же, кряхтят, но молчат, как партизаны.

– Под пыткой или... вызвав на скандал.

– Что? Какой скандал? – не понял Хряпин.

– Спровоцировать ситуацию... Как в том анекдоте, «а твоя-то, а твоя-то...» Помнишь? Анекдот этот.

– Анекдот – это одно... Проще надо.

– А что? Когда поразмышляешь, обмозгуешь всё... Так даже интересней.

– Всё-то ты не туда думаешь! – привычно сдержанным жестом Хряпин коснулся роскошных усов.

– Куда – не туда?

– Красивая баба! А ты сидишь чурбаном деревянным! – Хряпин поднялся на ноги. – Будь я хотя бы на один раз меньше женат и будь у меня хотя бы на два ребёнка меньше... А-а!

– Да ну, – отмахнулся Гвидон. – И вообще она мне дурой показалась.

– Ду-у-ра! – передразнивая, Александр Петрович резко повернулся в сторону Тугарина. – Сам ты... Можно подумать, рядом с рассадником умных женщин вырос!

– Да нет, я – пас. И душевный настой жидковат, консистенция не та. Я и вообще-то, когда по следу иду, все половые признаки утрачиваю. Женщина или баба – ничего не по-

нимаю.

– Когда я начинал, – Александр Петрович снова присел на стул и ласково тронул усы, – вот тогда были опера! У-у! Всё успевали. И работать умели. И водку пили. Ты пойми, подход к каждому нужен. С каждым надо поговорить на его языке. Ты вот говоришь – дура, а сам, я предполагаю, с самого начала какую-нибудь заумную ахинею при ней нести начал. Потому, может, и слова она обдумывала. Дурой показаться не хотелось. Всего-то. Необходима атмосфера лёгкости. Нужно человека поместить в такие условия, чтобы он говорил, говорил, и выговориться не мог. Пусть уж лучше он в десять раз больше скажет, чем какой-нибудь пустячок упустит.

Два оперуполномоченных и испуганный лжец в белой клетке больницы палаты

Вернувшись с обеда, Тугарин раздвинул шторы, чтобы посидеть минут пять под световым колпаком весеннего солнца. Этого не получилось.

– Гвидон, зайди ко мне срочно!

Голос Хряпина, пропущенный сквозь селектор, выглядит плоским.

– Нашёлся твой Волков, – услышал Тугарин радостную весть, войдя к Хряпину, однако тотчас же и по голосу, и по виду Александра Петровича понял, что сказано ещё не всё.

– Ну-ну!

– Сейчас созвонись со Шмеховым из линейного. Вот его телефон, – Хряпин двинул в его сторону вырванный из настольного календаря листок. – Ну а там – по обстановке. Ложит в первой городской, травма головы у него. С его слов, выбросили из электрички.

– Так я и знал! – воскликнул Тугарин, словно катапультированный взвиваясь над стулом и роняя только что полученную бумажку с записями.

Прямоугольного вида листочек календаря, неоднозначно

раскладывая движения, устремляется к полу. Гвидон с азартом кидается ловить его и опрокидывает стул.

– Что ты знал?! – раздражается Хряпин. – Что стулья мои переломаешь?

– Да нет. Зачем же! – Тугарин поднимает стул и начинает говорить более осторожно. – Хотел сказать, что это косвенным образом подтверждает мою версию. И Волков каким-то образом причастен к преступлению. Возможно, важный свидетель. И его хотели убрать. Очень и очень похоже на правду.

– Не это ли называется: гнать факты кнутом по одной дороге? – Хряпин скептически скривился. – Ты вот что, антимонии тут не разводи, а езжай-ка в больницу и вытаци из ушибленного всё, что можно. Благо, он не в реанимации. Вперёд!

– Может, зайти подальше? С домашних начать... Попробовать...

– Да он же до дома не доехал! – перебил Хряпин. – Что они могут знать? С него начни. Только смотри у меня! А то там сестрички – покойника взволновать могут.

Трамвайная монотонность удлиняет расстояния. Удалённые расстоянием и молчанием соединённые точки единой системы координат имеют различную эмоциональную окраску и смотрятся антиподами.

Впрочем, Тугарин и не собирался связывать себя обетом молчания, он всего лишь уговорил себя не кормить Шмехова незрелыми плодами собственной версии случившегося

с Волковым. Гвидон прекрасно понимал, что в точке пересечения двух кривых истина выглядит куда как убедительнее. А о чём поговорить, всегда найдётся. Незнакомые прежде, Тугарин и Шмехов, как, пожалуй, два любых произвольно соединённых опера бывшего Советского Союза, проблем в учреждении доверительного и почти что дружеского общения не обнаружили.

Впервые со времени их личного (не телефонного) знакомства Волкова разговор коснулся, когда трамвай подкрадывался к остановке «Больничный комплекс».

– И как часто у вас такие случаи? Вышвыривают человечков из электричек иногда? – спросил Тугарин.

– Да, иногда. Не часто, конечно. Мне кажется, пока что самое распространённое – это когда по пьянке кухонным ножом и в условиях кухни. Где жрут, там и бьют.

– Ты прав. Типично нашенское злодейство. Но сейчас, я бы сказал, появляется и кое-что иное. По сравнению с благословенной памяти застойными временами, – вроде как согласился, но, одновременно, и возразил Тугарин.

– А случаи бывают, – проговорил Шмехов и вплотную приблизился к Гвидону. – Недавно одного нашего парня выбросили, сотрудника нашего, – сказал и направился к выходу.

– Да ну! – удивился и не поверил готовый поверить Тугарин, пробираясь следом за Шмеховым.

– Ну да. Ехал пьяный да и поскандалил с какими-то. Пи-

столет вытащил. Да! Его и вытолкали, а как иначе! Зашуршал по щебёнке. Хорошо – оружие не отобрали. Да и поезд только-только с остановки тронулся. Лобное покрытие обновил частично, только и всего... Но электрички сейчас, большинство, с автоматическими дверями.

– А эта, на которой Волков ехал?

– Проверил, у этой – не автоматически закрывающиеся.

– Ясно. Значит... – Гвидон принял медитативную позу: голову опустил, руки сцепил за спиной. – Значит, всё-таки сбросили его с поезда.

– Я бы не спешил такой вывод делать, – покачал головой Шмехов, более последовательный эмпирик, нежели Тугарин. – Частенько бывает, когда не хотят кого-нибудь сдавать, валят всё на пресловутые электрички и вокзалы. Уж сколько случаев у меня было! Друг ножом пырнул, жена скорородкой голову проломила...

– Или боятся сказать правду! – смысловую напряжённость сказанного Гвидон обозначил вздетым кверху указательным пальцем. – И такой вариант очень вероятен. Особенно в наше время.

Шмехов шевельнул бровями – всё, мол, возможно. Молчаливое движение бровей Шмехова, с равнодушной небрежностью уронившее очевидную тень сомнения на высказывание Тугарина, обрело признаки гнетущей силы. Гвидон молчал, однако эмоциональный ущерб был налицо, и мужественно сдавливаемые эмоции грозили выбросить упругий

горб веера ненужных слов. Бессловесное и неуклонное напряжение воли нарушало энергетическую структуру Гвидона Тугарина.

– Данный случай... отягощён... специфическими обстоятельствами.

Гвидон произносил эти слова и морщился – он был недоволен собою.

– Ему кто-то угрожал? – равнодушно произнёс Шмехов.

– Он был одним из нескольких человек, находившихся в городском морге в тот именно момент, когда оттуда исчез труп покойницы! – Тугарин говорил с неумолимо возрастающим воодушевлением. – Представляешь? Труп неживого человека! Волков или опасный для кого-то свидетель, или... участник преступления. И это однозначно! И ничуть не удивлюсь, если сейчас не застанем Волкова в живых! – заключил Гвидон, непроизвольно ускоряя шаг.

Шмехов и бровью не повёл (Тугарин был весь внимание), только судорога недовольства, это когда Гвидон прибавил шагу, сбежала по его лицу. Тормозные механизмы бесповоротно отказали. Тугарин, схватив Шмехова за руку, оттащил его к пыльным кустам акации и, размахивая свободной рукой и придерживая, как придерживают гремучую якорную цепь, рвущийся ввысь голос и энтузиазмом нейтрализуя возможные противоречия, выбросил звенья причинной обусловленности волнующих событий.

Спустя минуту Шмехов выглядел убеждённым идей-

ным сторонником предложенной ему Тугариным эффективной конструкции, однако скоропалительная чувствительность обрушенных на него аргументов воздвигла энергетическую стену некоего нечистого побуждения. Шмехов догадался, что при случае он не без некоторого удовольствия полюбовался бы на явление внезапного краха столь шумного построения. И опустил глаза. Если произвести мыльный пузырь даже и очень и очень большим – всё равно не всякий поверит, что им можно играть в мяч.

А Тугарин уже приступил к озвучиванию давно его сознанием оформленного плана опроса Волкова, несложного по схеме, однако со многими подробностями, по мнению Шмехова, незначительными и ненужными.

– Ну, договорились? – заключил Гвидон почти утвердительно, лишь слегка изогнув произнесённое вопросительной интонацией. – Так и будем действовать. В кратчайшие сроки на режиме зависания.

Волков, немолодой мужчина похмельного вида, лежал вдоль правой стены палаты, почти напротив входа. Сквозь голубые глаза с приспущенными веками экзистенциальная тоска зримо изливалась на потолок больничного цвета. Из глубины и мрака внутренней бесконечности. Он словно бы застыл на излёте сверхчувственного созерцания и видел, кажется, в эту минуту нечто надземное, таинственное и непостижимое.

Он – биологическая оболочка личности, для которой, как

будто, бурные события века утратили актуальность. Лишь гаммы жизненных коллизий, разбуженные повеявшей прохладой вечного холода, терзают стены храма совести. Эпически спокойное отношение к смерти не особенно охотно нисходит даже и на работников морга.

Впрочем, по заверению лечащего врача, травма Волкова не относится к разряду смертельно опасных.

– Только вот, – добавил врач, этакий Жванецкий в белом халате, – мучит нашего пациента одна, но пламенная страсть, именуемая в народе пагубным пристрастием. Выпить, знаете ли, любит. И очень тяжело переносит вынужденную трезвость.

На вопрос Шмехова врач сообщил, что в момент получения травмы Волков находился в средней степени опьянения.

Узнав, что посетители пришли к нему и что они из милиции, Волков заметно взволновался и как бы чуть смутился. Пока Тугарин и Шмехов брали стулья и усаживались около его кровати, Волков искоса поглядывал на них, и взгляды его имели оценивающий оттенок.

Прежде чем сесть, Тугарин сделал максимально строгое лицо и спросил:

– Так значит, вы, гражданин Волков, государство обмануть хотите? Уверяю вас, обмануть государство очень сложно.

– Да нет... Почему... – смертоносная, прямо-таки, бледность волнения окатила лицо Волкова. – Я правду говорил.

Меня, ещё в «скорой» когда везли, спрашивали... – Волков говорил неуверенно, следя за своими руками, без видимой нужды оправляющими одеяло.

– А я утверждаю, что хотите обмануть государство, – продолжал настаивать Тугарин. – Вы хотите и вредность заработать, и, одновременно, здоровье сохранить. Разве не так? Вы для этого пошли работать в морг?

Поняв, что это шутка, Волков улыбнулся, не вполне радостно, сквозь завесу тягостных переживаний, и неожиданно для самого себя сказал:

– Соточку бы щас.

– Увы, – ответил Тугарин. – Из зоны комфорта вы выпали в зону воздержания. Вопрос. Выпали по собственной воле, или вас выбросили? Назовите их имена, клички, приметы – всё, что о них известно. Темнить не советую. Мы знаем больше, чем вы предполагаете. Итак, кто и за что – это раз, второе – укажите, пожалуйста, их координаты.

Таким образом, Гвидон с самого начала нарушил им же самим разработанный план разговора с Волковым. Тугарин и Шмехов намеревались вначале терпеливо выслушать ответ Волкова на простенький вопросик о том, что случилось, а уж потом задавать вопросы с подтекстом специального назначения.

И теперь Шмехов был недоволен. Он, конечно, предпочёл бы послушать вольное изложение потерпевшим версии происшедшего, неторопливо укладывая на весы своего опы-

та предлагаемые посылки. Необходимо время на то, чтобы энергия мысли соединилась с интуицией, этим внутренним центром чувств. К тому же довольно длительное и непродуктивное молчание Волкова наводило на мысль, что в безбрежном море речевых коммуникаций Тугарин избрал неверный маршрут.

– Но я же их и не знаю совсем, – заговорил Волков, взглядом отыскивая собеседника (выбор был небольшим), который был бы в наибольшей степени готов поверить его словам. – А за что? – Волков пожал плечами. – «Дай закурить!» – «Нету» – «Ну, получи с улыбкой!» И – понеслась... А их трое...

– Приметы их опишите, – предложил Шмехов.

– Ну, приметы... Молодые, здоровые... Один высокий такой, а другой, как бы это сказать... А второй такой... Даже и слова не подберёшь...

– А вы попробуйте, – сурово произнёс Тугарин. – Джуме Джумаевичу Джумаеву было ещё труднее изъясняться на языке человека.

– А кто это?

– Человек, стаей волков воспитанный. С младых ногтей.

Тугарин и Шмехов долго и неумолимо опрашивали-расспрашивали Волкова. В результате совместных усилий словесные портреты преступников были составлены. Был и побочный результат – сохранение ряда старых и возникновение новых вопросов. Как у Тугарина, так и у Шмехова.

И Шмехов стал выяснять, подробно записывая, кто где стоял, как выталкивали Волкова из поезда и какие при этом действия совершал каждый из троих напавших на него. За какие части тела и одежды хватали потерпевшего и за что цеплялся сам Волков, не желавший, по всей видимости, расставаться с зыбкой почвой стремительно летящего электропоезда.

Гвидону познавательная ценность этих всех вопросов представлялась невысокой. Он ёрзал на стуле, предполагая ближайшую паузу заполнить мощью своего решающего вопроса. И данное словесное обращение, требующее ответа, уже коснётся непосредственно событий, происшедших в морге. И как не известно было Волкову, что Тугарин не из линейной милиции, которую могут интересовать лишь взаимоотношения между Волковым и железной дорогой, тем значительней должен был оказаться эффект от смещения разговора в пограничную плоскость морга.

– А теперь я хотел бы услышать от вас, – заговорил Тугарин, когда настало его время, – что именно вы видели из ряда вон выходящее на своём вчера, простите, на своём позавчера рабочем месте, в морге?

И с громким щелчком выбросил указующий перст к носу Волкова.

Волков, казалось, отшатнулся назад, что, впрочем, едва ли было возможно вследствие непреодолимо горизонтального положения больничной кровати. Кончик его носа, усеянный

крупными порами, и лоб покрыли приплюснутые капельки испарины.

– Говорите, Анатолий Никифорович. И никого не бойтесь, – не отводя глаз, ободряюще кивнул Тугарин.

Волков молчал. Замешательство его было ещё более глубоким, чем это можно было предположить минуту тому назад.

– Расскажите нам всё, что видели! – не отступал Гвидон. – Не бойтесь.

– Что же вы молчите? Вас спрашивают, а вы молчите и молчите! – присоединился к Тугарину Шмехов.

Волков с пристальным вниманием испуга следил за пришельцами и ничего не отвечал.

Гвидон Тугарин в роли наёмного убийцы

Миновала неделя. Были встречи с множеством людей. Одно за другим следовали какие-то невнятные, неоднозначные показания, в свете которых способна потускнеть сколь угодно яркая версия. Приходилось немало заниматься и другими делами. С переменным успехом. И с переменным ощущением низменной обыденщины, угнетающей эвристические формы мышления.

Во вторник Тугарин позвонил в офис «Металлоида», чтобы договориться с генеральным директором «Металлоида» Срезневым о встрече. Они уже дважды условливались о встрече, но оба раза безуспешно – один раз Тугарина не оказалось на месте, потом Тугарин не застал Срезнева, отбывшего на незапланированные переговоры с иностранцами.

На звонок Тугарину ответили, что Срезнева сегодня не будет, что он отдыхает. Затем секретарь понизила голос и сообщила:

– В Глеба Василича стреляли. Не знаю, могу ли об этом вам говорить, – Глеб Василич велел, чтобы никому, – но вчера Глеба Василича чуть не убили! Выстрелили прямо в окно! Но не попали.

– В окно не попали?

– В Глеба Василича не попали.

Справившись в дежурной части и установив, что стрельба по окнам квартиры Срезнева не зарегистрирована, Гвидон решил сходить после обеда к Срезневу домой.

В бежевом плаще, светло-коричневой шляпе и затемнённых очках, складных, имеющих не два, а пять соединений и одну неприметную надпись белого цвета «Ferrari», Тугарин неторопливо, но и не останавливаясь прошёл мимо дома Срезнева. Действительно, нижнее стекло правой створки имело пулевое отверстие.

Гвидон проследовал до конца дома, перешёл на другую сторону двора и, дойдя до подъезда, прямо противоположного квартире Срезнева, вошёл в этот подъезд.

Откуда был произведён выстрел? Обонятельная активность достигла, кажется, наивысшей точки, как будто это было возможно – уловить запах сгоревшего сутки назад пороха.

Тугарин преодолел ступени первого после площадки нижнего этажа пролёта и попробовал открыть окно. Это ему не удалось. Он ухватился за рукоятки фрамуги поудобней и глубоко вдохнул воздух, однако состояние краски, давным-давно заполнившей щель между фрамугой и рамой окна, с мгновенной очевидностью явило тот факт, что окном этим очень давно никто не пользовался.

Гвидон расслабился. На выдохе его осенила мысль, что сначала следовало бы обнаружить место в квартире, куда вошла пуля, а уж потом нюхать подъезды, коль обнаружится

в том необходимость. Поёживаясь от смущения, навеянного собственной оплошностью, Тугарин вышел наружу и направился к Срезневу.

Когда он входил в подъезд, где находится квартира Срезнева, ему показалось, что дверь, ведущая в подвал, негромко скрипнула. Гвидон остановился в полумраке тамбура и прислушался. Дверь подвала была приоткрыта, звуков же больше никаких он не услышал. Кошка, наверное, решил Гвидон и, открыв следующую дверь, стал подниматься на площадку первого этажа. Прежде чем позвонить, Тугарин снял очки, вынул футляр в форме приплюсненной с двух сторон чёрной капли и уложил в него очки.

Несколько разнородных звуков неопределённой высоты, тесно наложившихся на кусочек времени, заставили его обернуться. В подъезд входил молодой парень в чёрной футболке и брюках цвета морской волны, волны светлой до лазури. Тугарин почему-то не слышал грохота закрывающейся наружной двери, хотя грядущий звук свободно отпущенной парнем двери внутренней достиг сознания Гвидона предэхом убеждённости в том, что привычка прикрывать за собою дверь давно уже вытеснена из культурного обихода жуящегося поколения.

И одет парень не по погоде – в футболку.

Напряжённое созвучие неконтролируемых ассоциаций тенью безмолвного подозрения сгустило фон окружающего, однако Тугарин отвернулся от вошедшего и, продолжая пра-

вой рукой устраивать футляр с очками во внутреннем кармане плаща, левую руку устремил к кнопке звонка. А бодрое расположение духа, полагал он, явится одновременно с рабочим ритмом предстоящей беседы. Тугарин был уже, безусловно, в зоне ближнего будущего.

И в это время...

А сказать точнее, просто произошла замена одной пространственно-временной структуры другою. Гвидон Тугарин вдруг обнаружил себя у стены, в углу, с болезненностью текущего времени переживающим сильнейший удар в правое плечо, страдальчески сморщившимся от прострела левой руки (она ударилась о стену) локтевой судорогой и пытающимся стремительно осмыслить происшедшее.

Бесшумный взмах сильной руки убил проклюнувшуюся паузу, и Гвидон сломился пополам, выдыхая мучительный стон. Теперь он падал на грязный бетон лестничной площадки кооперативного дома, где среди мутных, утративших блеск плекков, раскинув поля, уже сидела злосчастная шляпа. Его всегда элегантная шляпа и... биологические выделения жизнедеятельности недочеловеков и их друзей – живой натюрморт безумного художника.

Гвидон не успел догадаться, что и его ожидает печальная участь шляпы, как был пойман за ворот плаща и заброшен в квартиру Срезнева, дверь которой неожиданно отворилась. Дверь открылась, хотя ему так и не довелось прикоснуться к кнопке звонка.

Гвидон Тугарин упал на скрипнувший паркетный пол. И в этот же пренеприятнейший миг кто-то с бесчувственной грузностью уселся ему на спину, стиснул запястья разметавшихся по полу рук и двуединым движением вывернул их за спину. Гвидон вскрикнул от боли и разрастающегося бешенства.

И услышал семенящий говорок, не вполне внятный и даже не стремящийся перекрыть его вопль:

– Кто тебя послал, падла? Говори! И быстро, быстро! Я кому говорю! Руки выверну. Ну!

Он пришёл сюда по собственной инициативе, уведомив о том Хряпина. Что тут такого? Может ли это быть служебным секретом?

– Быстро, быстро! Говори, если жить хочешь!

И снова боль обожгла плечи. Размышлять, как будто бы, некогда.

А может, и не стоит размышлять? Подлая привязанность к жизни, нарушающая внутреннюю свободу! Молчать! Гвидон Тугарин зажмурился, и слепое и горячее отчаяние подтвердило: молчать, чего бы это ни стоило!

Около лица скрипнул паркет. Гвидон открыл глаза и увидел чёрные, лаково блестящие туфли с огромными серебряными кокардами инкрустации. Таких туфель Тугарин ещё не видывал.

Обутый в эти самые туфли нагнулся, обшарил Тугарина и под отчаянный скрип стиснутых зубов его совершил

акт вивисекции – вырвал из кобуры любовно почищенный и нежнейшим слоем смазки покрытый «ПМ». Гвидон вдохнул, сколько смог, воздуху и заморгал глазами – такое унижение он испытывал впервые.

– У него и кобура оперативная, ты смотри! – сказал разоруживший Тугарина, сделав ударение на заменившей «о» букве «а» в слове «кобура».

– Отве-е-етите... За это-то уж вы ответите! – выговорил Гвидон.

– На кого работаешь-то? Рассказывай! – вновь зачастил сидящий на его спине парень.

– А вот когда местами поменяемся, тогда и будем разговаривать! – ответил Тугарин с мрачным едвалинеравнодушием в голосе.

И услышал голос обладателя туфлей с кокардами:

– Отпусти его, Павлик!

Притупившаяся за секунду до того боль дала новый всплеск, а потом уступила место двум обжигающим шарам, обездвигившим плечевые суставы.

– Я-то служу отечеству, как сейчас говорят! – поднимаюсь на ноги, произносил Гвидон Тугарин в такт движениям осторожно разминаемых рук. – А вот ты кому, собачёныш, служишь-прислуживаешь? Этому?

Он говорил, вроде бы, презрительно, но в голосе его всё-таки проблёскивал призыв обиды.

– Ну да что тебе! – продолжал Гвидон. – Платили бы...

Ещё лет несколько попогибаешься, Павлик, – такие же, глядишь, штиблеты с бляшками справишь.

Словно бы не заметив, что Павлик произвёл угрожающий полушаг в его сторону и вопросительно посмотрел на хозяйина, Гвидон недвусмысленно искривил губы и сделал вид, что внимательно осматривает эти разряженные, подобно ярмарочным коням, туфли, поскрипывающие узорно выложенным, натёртым паркетом, воронье свободные брюки над ними, материи тонкой и со струнами складок исключительно ломкими, однако, похоже, неуничтожимыми, а также – неуместно цветастую рубаху.

И только после этого окончательно выпрямил шею и, строго глядя между выжидающе выгнутых бровей франта, движением правой руки отстранил Павлика, а левую вытянул перед собою ладонью кверху.

– Прошу вернуть оружие, господин Срезнев.

– И фамилию знает, ты смотри! – усмехнулся Срезнев. – Молодец. Что же, третья попытка, думаешь, будет более удачной?

В произносимой насмешке сквозила ниточка неуверенности, однако брови со всей определённостью шевельнулись вправо. Отпрыгнув в сторону, Тугарин легко избежал ожидаемого удара – и услужливый кулак перестоявшего в напряжённой позе Павлика тяжело полетел мимо Гвидона, непреодолимо извлекая громилу из точки уверенного равновесия.

Павлик вцепился руками в висящее на вешалке кожаное

пальто, мощной диагональю перечеркнув коридор, однако в следующее мгновение один конец вешалки, сорвавшись с привычного места, энергично клюнул его в затылок эллипсом чугунного узора. И тотчас вся конструкция вешалки целиком устремилась вниз, хороня под ворохом одежды и виновника своего низвержения, и Тугарина, успевшего втянуть голову в плечи и закрыть её руками. Неисследимые изгибы двух жизней теснейшим образом совпали.

– Одно из двух! – закричал Гвидон. – Да, или вернёте оружие, или же вам придётся убить меня!

Его голос (из-под груды одежды) звучал в ритме митингового пафоса – суровое спокойствие вновь оставило Тугарина. А ещё в звуковой объём шума торопливо расшвыриваемой одежды не укладывались, возвышаясь над ним, хотя и мужественно негромкие, однако насыщенные сдержанным страданием стоны пострадавшего Павлика. Он первым поднялся на ноги и, расставив в стороны руки, направился к Тугарину.

– Ы-ы-ы... Щас я... ы-ы-ыво возь-му... Щас... – говорил он, и рыдательные нотки уже начали разрывать слова.

Отступающий в угол, к двери, Тугарин уже перенёс центр тяжести тела на переднюю, левую, ногу, а правая его рука готова была нанести удар в скулу противника, когда Гвидон вдруг увидел перед собою окрашенное кровью лицо. Он посмотрел в глаза замедленно приближающегося к нему раненого и всё понял. Выбор должного способа действий у Пав-

лика определялся отнюдь не сознательным разумом. Внезаходимость его была очевидной. И уже горячая струйка бежала вдоль сонной артерии.

Пытаясь обеими руками остановить напирющее на него тело, Тугарин закричал:

– Телефон здесь есть?! Нужно... срочно... «скорую»!

Голос приседающего под навалившейся тяжестью Гвидона звучал с натугой. Однако он выбрался-таки из-под Павлика, упрямо перебирающего ногами, и, убедившись, что тот относительно устойчиво утвердился в углу, обернулся к Срезневу.

– Телефон, говорю, где?

– Да подожди ты! – скривился и даже кистью с растопыренными пальцами прикрыл лицо Срезнев, старший товарищ или, что выглядит убедительней, шеф пострадавшего.

Тугарин уже и самостоятельно сориентировался и, сопровождаемый сумрачным, но не особенно внимательным глазком пистолета, прошёл к телефонному аппарату.

– Алло! «Скорая»? Вас беспокоит оперуполномоченный уголовного розыска Тугарин. Черепно-мозговая травма. Запишите, пожалуйста, адрес... Да, именно черепно-мозговая, пострадавший в шоке.

На службе у хозяина

Проводив бригаду «скорой помощи», Тугарин и Срезнев, молча глядя на бледное лицо Павлика, постояли возле дивана одну минуту, кляксой куцей шеренги отметив трагизм этой самой минуты, и друженько убыли в соседнюю комнату.

Павлик был жив, и слёзы...

Да, когда ещё Тугарин и Срезнев, довольные, что рана оказалась не особенно опасной – ведь было даже признано возможным травмированного не госпитализировать, – стояли около него, злые эти слезы в любую секунду могли прорваться сквозь стиснутые веки Павлика.

Перспективы – принадлежность будущего. Утратив возможность материализации, мечтами они уже не становятся, они умирают. Надежды Павлика рухнули, с внезапным шумом и некрасиво до нелепости. Как обрушиваются со стен неприжившиеся вешалки. И если бы не ослабляющие эмоции, шумовой тугомотиной заполнившие упрятанную в марлевый кокон голову, Павлик уже сейчас, не возвышаясь до всечеловеческих масштабов мышления, поискал бы материальную основу будущего существования.

Виды бытия личности, пропущенные сквозь ушко отношений личной зависимости, далеко не всегда обретают цвета космической значительности, тёмной либо светлой. Будь

даже отношения эти подлинно внутренними и до некоторой степени интимными. А если же в минуту решительную кто-то, имеющий на то основание, способен признать их не иными суть отношениями, как теми, которые с неприятной резкостью аттестуют в качестве денежно-торгашеских, то и говорить не о чём.

И можно с маниакальным тщанием хоронить глубинные структуры человека. Навал отказов может быть добросовестно внушительным. Всё равно ментальные силы, как правило, продолжают подспудно рефлексировать и изощряться в умствованиях, испуская едкий дымок привычных, направленных вовне мыслительных реакций. Текучий, но плотный их запах способен обрести – в беспощадных условиях ситуационного момента – вкус яда азиатского крайта.

Звонок в дверь выхватывает Павлика из забытья. Павлик, существо инстинкта (рефлекса ли), дёрнулся и едва не застонал от навалившейся на голову боли и бессердечно присоединившихся к ней недавних переживаний. Из пространства отрицательных и разрушительных мыслей голову уже не извлечь, однако если не двигаться, бдительность болезненных ощущений должна снизиться.

Надежда на спасительную неподвижность не оправдалась. Звонок прозвучал повторно, но звуков, которые спешили бы сопроводить устремлённые к двери шаги, не объявилось.

Павлик встал и пошёл открывать.

За дверью обнаружился мальчишка беспризорного вида.

– Чё не открываешь-то? Звоню, звоню... Делать мне больше нечего!

– Вот и я хотел спросить, чего ты, гадёныш, названиваешь! – зарычал Павлик, и новая волна злости взметнулась на уровень больной головы.

Павлик потянулся, чтобы ухватить «гадёныша» за куртку, готовый, кажется, скомкать его между ладонями своих ручищ да и зашвырнуть подальше от дверного звонка.

Но парнишка ловко отскочил в сторону и закричал:

– Грабли свои убери! Я по делу! Я послание принёс!

Непривычное слово «послание». Членораздельные элементы человеческой произносимой речи не спешат оформляться узнаваемыми понятиями.

– Какое ещё послание?

Мальчик потрясает свёрнутым вчетверо листком бумаги.

– Вот. Не видишь?

– Давай.

Павлик вытянул перед собою руку. Могло показаться, что он хочет принять «послание». В действительности же он намерен был схватить почтальона за шкурку, чтобы в его присутствии ознакомиться с содержанием записки. Однако движение руки Павлика было излишне плавным и не особенно точным – вспугнутый пацанёнок сумел сместиться в сторону на расстояние лёгкого отскока.

– Без паники! – кричит мальчишка. – Прошу оставаться на местах!

Он кладёт записку прямо на лестничную площадку и убегает.

– Стой! – вскрикивает Павлик.

– Ау-дую-дуй, нервная публика! – слышится уже из-за дверей подъездных.

Павлик схватил записку и пробежал её глазами со всей возможной быстротой. Буквенные изображения отыскивали подвластные им звуки и сложились в слова. Слова мгновенно расположились на однозначном фоне общего смысла. Да, истерзанная его голова соображала вполне сносно – необходимо надлежало гонца изловить и вытряхнуть из него информацию о сопутствующих обстоятельствах. И понимая, что бег не то что противопоказан ему – это прямо-таки запретная форма активности, Павлик заспешил к выходу из подъезда. Погоня началась.

Павлик бежал, кривясь от боли и стремясь обеспечить всемерно плавное и сугубо параллельное земле перемещение головы. Тем не менее, линия, вдоль которой перемещался его головной мозг, часто ломалась, постреливая зигзагами болевых ощущений.

Несмотря на бесшумность побежки обутого в хлопчатобумажные носки Павлика мальчик очень скоро обнаружил преследование и припустил вдоль дворовой диагонали. Чтобы сохранить надежду догнать его, Павлику пришлось увеличить скорость. Расстояние между ними постепенно сокращалось, и Павлику показалось даже, что мальчишка и не очень-

то хочет убежать от него.

Когда звуки громкого дыхания преследователя уже не могли не касаться ушей преследуемого, мальчик остановился, повернулся и закричал, привлекая внимание прохожих:

– Чего ты пристал к человеку?! Чего тебе надо, бандюга?!

– Да ты не кричи, братан! Чего развопился-то? Ты мне скажи только, кто тебя послал. С запиской-то. Скажешь? Похорошему.

– Да не велели мне говорить! – отмахнулся пацан. – Скажи – записку сунуть и бежать что есть мочи.

– Даю сотню. На три жвачки по тридцать рублей.

– Сам жри по тридцать. Я ещё такой блевотины не едал!

– Твои условия?

– Две сотни на жевачки по полтиннику. И на курево семьдесят семь рваных.

– А ты скажешь – большой дяденька в тёмных очках, и больше ничего не помню. Да?

Когда Павлик возвращался в квартиру Срезнева, ноги его вдруг воспламенились чрезмерной чувствительностью, и он, не скупясь, обкладывал матом каждый из камешков, обнаруженных на тротуаре беззащитными ступнями. А голова раскалывалась от испарений зловонных мыслей. Виной тому – материальная жизненная обстановка сегодняшнего времени, безжалостно смявшая остатки и без того уж давно поскромневших планов. Тень плоской рассудочности ложилась

на всё новые и новые секунды размышлений, постулируя силуэт достаточно определённого решения.

Решение это Павлику не нравилось. Однако ему казалось, что энергии на поддержание некогда избранной программы поведения у него уже не осталось. Кроме того, деловитому и трезвому, экономически мыслящему и прозаически настроенному Павлику было не до сложных фокусов рефлексий – он хотел как можно скорее вырваться из неуюта пограничной ситуации. И он уже знал, что достаточно проклянуться ошибке... И не обязательно даже ей расцвести букетом последствий. Ошибка холопа не подлежит забвению. Невинная халатность, извинительная неосторожность могут вольно произрастать лишь на пустырях госсектора, но не в оазисах коммерческих структур. А им – только всё самое лучшее. Дерьма-с не держат. И – по дешёвке. Платить не любят. Капитал же ведь должен работать!

Ну а шефа всё равно пришьют, раз уж решили убить его.

– Ты куда это слинял? – вопросом встретил Павлика Срезнев. – Дверь открытой оставил. Ну, ты даёшь!

Срезнев провожал собравшегося уходить Тугарина. Они стояли у входной двери. Павлик молча протянул записку. Срезнев очень долго читал её, неоднократно перечитывая некоторые слова и фразы.

– Откуда? – спросил Срезнев, думая о том, стоит ли показывать записку Тугарину.

– Пацан лет десяти позвонил. Я вышел, а он на площадку

бросил её и бежать.

– Догнал?

– Нет, – ответил Павлик. Нейролингвистические воздействия последних времён не прошли бесследно. – Я выбегаю, а он уже ого-го где...

– Топчет кромку горизонта, – подсказал Тугарин.

– Да, топчет горизонт, – повторил за ним Павлик.

Порою тяжкие переживания озаряет ложный свет прозрения

Тоскливо-грустное настроение влекло Гвидона Тугарина вдоль пыльных весенних улиц неопрятного города, встречное движение которого с идиотской назойливостью предъявляло одни лишь серые от усталости лица временно покинувших рабочие места.

Безнадёжный вид стоптанных сапог и туфель, пересекающих опущенный долу взор Гвидона, служебной необходимостью влачимого изуродованными тротуарами в родной отдел, изрядной долей уныния множил тяжесть атмосферного столба. А столб двуглавого фонаря на подогнувшейся (в результате, по-видимому, автомобильной аварии) единственной ножке тоскливо вытянутой по горизонтали тонкой шеей будил в воображении образ виселицы.

Гвидон тяжело переживал недавние неудачи. Он шёл и сокрушённо мотал головой, стремясь поскорее выветрить из сознания зрительные следы неприятных воспоминаний. Хотелось, чтобы как можно быстрее поток времени унёс неприглядную яркость его неудач в прошлое, за пределы длиннорукой памяти.

И постепенное истощение жизненности совершенно доконало бы сыщика, не предусмотрити благотворная природа череду ежедневных превращений человека. Гвидона вдруг

с неожиданной силой встряхнула исключительно свежая мысль. Он отчётливо увидел, что приметы Павлика с очевидной полнотой совпадают с приметами одного из негодяев, напавших в электропоезде на Волкова.

Ну конечно! Конечно же, именно Павлик и двое ему подобных пытались устранить Волкова, выполняя поручение того, кто очень уж не хотел допустить вскрытия трупа Скалыги! И этот «кто-то», без сомнения, – Срезнев, на которого Павлик наш ушибленный и работает. И в этом случае предельно просто объясняется наплыв иррациональных импульсов антипатии, испытанной Тугариным во время знакомства со Срезневым.

Сделанное открытие не снимает всех вопросов, однако главное – выбраться на верный путь реконструирования криминального прошлого этих весьма сомнительных субъектов. И далее – методом последовательных приближений.

Кто-то в это самое время громко чихнул.

– А вот и подтверждение! – останавливаясь, с улыбкой оборачивается на чих Тугарин.

И видит тёмношёрстную крупноголовую и коротконогую дворнягу с рыжими бровями, промышленяющую возле пищевых контейнеров.

– Да-с! – вслух огорчается Гвидон и пятится от пригнувшей голову и предупредительно зарывавшей собаки. Он знает, что коротконогие собаки злы и коварны.

Гвидон идёт дальше, а его мысли незаметно возвращают-

ся к материалу недавнего прошлого. И скоро взбодрённое успехом воображение, достаточно развитое и неплохо организованное, весь эпизод столкновения с Павликом и Срезневым уже представляет в новой редакции, исторически достоверной.

Однако Гвидон с удовольствием просмотрел всю эту воображением созданную сценку, благо не истраченная в данном эпизоде – ввиду скоропостижности происшедшего и некоторых иных обстоятельств – энергия страстей сохранилась, обеспечив чувственную яркость всей картины. А уж заключительные кульбиты расшвыриваемых врагов... Да, это что-то!

Вспомнив же, что Павлик является участником бесчеловечного сбрасывания человека (Волкова) с поезда, Гвидон вернулся к моменту его укрощения и внёс в него решительные изменения. И вот он уже заламывает Павлику руку, перегибает противника через перила и судорогами ужаса искорёженное тело сбрасывает в бездонный ствол лестничного пролёта...

Впрочем, это едва ли могло осуществиться, ибо Срезнев проживает на первом этаже.

У Хряпина находился следователь милиции Дышлец, и Тугарин пережил несколько трудных минут, в бестолковом ожидании расхаживая по кабинету.

– Говори, что там у тебя, – сказал Хряпин, когда Дышлец направился к выходу. – А то уж вижу, как тебя лихорадит.

Тугарин положил перед ним объяснение Срезнева.

– Та-а-ак, ничего существенного. И по факту покушения – тоже ничего. Не видел ничего, ничего не знает, а в связи с тем, что никому он и никогда гадостей не подкладывал, то и подозревать никого возможности не имеет, – резюмировал Хряпин. – Что ещё? И где его заявление о покушении? Или твой рапорт.

– Рапорт напишу, – ответил Тугарин. – А вот заявление его об отсутствии у него врагов вызывает большущее сомнение.

И положил перед Хряпиным записку с мудрёным текстом, исполненным пастой синего цвета.

Записка гласила: «Сим повелевается тебе, раб Божий Глеб, оставив суетности мирские, а имущество своё, яко движимое так и недвижимое, отказав безо всякого ропота с твоей стороны во благо богоугодных дел, удалиться от соблазнов прельстительных во лоно церкви, дабы постом неустанным и молитвою усердною испросить прощение себе за грехи свои тяжкие, коим прощение даровано на путях иных быть не может. А отпущено тебе времени, чадо праха, одна седмица да ещё три дня. И будет ли ниспослано ещё одно знамение, грому подобное, наступит ли кара суровая безо всякого промедления – то нам не ведомо, ибо на всё воля Божия».

Подпись отсутствовала, дата звучала следующим образом: «13 дня апреля месяца 1993 года от Рождества Христова».

– И что всё это значит? Угроза, как я понимаю? – Хряпин поднял глаза на Тугарина, и брови его заняли верхнюю позицию. – Давай с самого начала. Подробно, но без эквилибристики.

Хряпин принял удобную позу и терпеливо прикрыл вниманием заряженные глаза.

– Если говорить предельно кратко, то следует сказать, что записка была принесена, когда я уже был на взлёте. Принёс парнишка десятилетний. И сразу убежал. Но я этого не видел. Я в это время осматривал пулевое отверстие в стене и беседовал со Срезневым.

– Я же сказал – подробно, но не в ущерб ясности. А ты – я взлетел, парнишка убежал. Вот и пойми тут.

– Дело было так. Я явился к Срезневу, – заговорил Тугарин, сопровождая произносимое рубящим движением ладони, должным отсекал всё к делу касательства не имеющее. – Сначала, правда, я потоптался по двору, чтобы прикинуть, что и как там всё это могло произойти. Ну, они видят, Срезнев, то есть, со своим охранником, – иду, такой мэн: шляпа, чёрные очки... Переполох там у них такой поднялся! За наёмного убийцу меня приняли с перепугу... – Гвидон замечает, что увлёкся, и решает немного себя придержать. – Но потом, короче говоря, всё стало на свои места.

Гвидон удачно опустил описание болезненного эпизода силовых соприкосновений, омрачивших знакомство со Срезневым, и вскоре его рассказ имел уже вид связный

и жизнеутверждающий. А по своей воле опубликовать факт тяжело пережитого унижения, рискуя превратиться в объект насмешки, – это так же глупо и странно, как укус собственного пальца во время приёма пищи.

В заключение Гвидон, неприкрыто ликуя, сообщил о совпадении примет Павлика с приметами одного из напавших в поезде на Волкова.

– Это совпадение может оказаться простой случайностью, – высказал сомнение Хряпин. – Мало ли высоких и здоровых блондинов с короткой стрижкой. Вся молодёжь сейчас с чубчиками и голыми затылками. И все – культуристы, ходят вразвалку, локти в стороны растопырив.

– Случайность – это внезапно проявившаяся неизбежность, имеющая свои причины, ход развития и последствия.

– Не знаю. Тебе виднее, – произнёс Хряпин, с недоверчивой усмешкой покосившись на Тугарина. – Надо, пожалуй, на всякий случай установить весь круг общения Срезнева и Павлика и примерить к ним имеющиеся приметы. Сейчас приглашу всех, кого следует, и всё обдумаем. Квартиру Срезнева осмотрим с участием криминалиста, анонимку направим на почерковедческую... А с Волковым больше не встречался?

– Нет. Он где-то спирт раздобыл. Ну и... В общем, в реанимации сейчас.

– Плохо. Поддерживай постоянную связь с больницей. А сегодня надо искать свидетелей стрельбы по окнам. По-

ка звук выстрела из людской памяти не выветрился. Так что вечером придётся поработать. Вместе с Мавриным и Чалых идёте во двор дома, где проживает Срезнев, и – по всем квартирам близлежащих домов. Фиксировать каждую мелочь: что, кто, когда, где – всё может пригодиться. Данные красивых одиноких женщин заносить в особый список.

– А это зачем? – удивился Тугарин.

– Был факс из Интерпола.

Пенсионер с собакой и человек, вооружённый пистолетом Макарова

На двадцать четвёртую квартиру указали в первый раз ещё в тридцать восьмой. Живёт, сказали, в двадцать четвёртой дядечка, пенсионер уж который год, с собакой каждый вечер гуляет, поздно и подолгу. Спускался Гвидон Тугарин ниже, расспрашивал всех, кого дома заставал, – и во второй, и в третий раз советовали ему в двадцать четвёртую заглянуть: пенсионер – собака – вечер-почти-ночь.

Некоторые слышали, как будто, выстрел, но кто значення не придал (автомобильный выхлоп, пуск из ракетницы), а кто и в постели уж был. Всего-то двое и выглянули в окно, да у одного (одной) очков под рукою не оказалось, а другой не заметил ничего подозрительного – старушка только какая-то, очень древняя, брела через двор.

Собаковод из двадцать четвёртой оказался поджарым бритым стариком с буйно взвихрёнными длинноволосыми бровями.

– Здравствуйте, милиция, уголовный розыск. Тугарин Гвидон Антонович, – представился Гвидон, произнеся все слова голосом жизнерадостным, имя и отчество – особенно отчётливо. – Удостоверение вот, извольте взглянуть.

– Ладно, верю так, – ответил старик, не торопясь, впрочем, разлучить взгляд свой с фотоизображением Тугарина. –

Удостоверения сейчас, конечно, надо бы проверять, да без очков не шибко углядишь... А вроде и похож.

Очков нет, а винные пары в наличии, отметил Тугарин и задумался, взвешивая перспективы предстоящего разговора.

– Сейчас развелось всяких атрибутов, жуликов, воров... Не сосчитаешь, сколь их развелось, – заговорил старик. Он будто ждал собеседника. – Не то что удостоверения – такие документы подделывают, что миллионы с миллиардами из банков ни за так вызволяют. В газетах же, по радиу пишут... Да ты сам знаешь, раз из органов. Только надо же ведь...

Старик выбросил перед собою правую руку, с усилием соединил пальцы в кулак и потряс этим очень уж бледным сооружением словно бы и в кожу не завернутых костей.

– Что? – Тугарин подался чуть назад.

– Дак распустили... Рынок, говорят. Рынок? Ладно, согласен. А эти-то все атрибуты, жулики всякие – зачем? Надо – ух-х! А нет жестокости – нет истории. Нет на нет.

– Пена, накипь, – покивал головой Гвидон – надо же поддерживать разговор. – Затяжная и мутная волна псевдорыночного процесса.

– Я же говорю: нет жестокости – нет истории...

Старик мог, очевидно, часами водить хоровод вокруг чахлого деревца личных жизненных впечатлений да идеологических отражений костров эпохи. Часами и в любой компании. И отнюдь не в поисках уютных объяснений мира – ско-

рее, наоборот.

– Соседи говорят – собака у вас шикарная. Так? – Тугарин предпринял попытку скорректировать разговор.

– Я – Оборкин! – воскликнул старик. – Меня все соседи знают и уважают. Никто плохого не скажет. И власть должна, чтоб её уважали... добиваться. Я кто? А меня уважают. Я же никто. Я – писсионер, никто!

– Звучит-то как миссионер.

– Нет, писсионер.

Последнюю стопку Оборкин намахнул, вероятно, перед самым его приходом, решил Тугарин, заметив, что язык собеседника стал несравненно чаще спотыкаться о корявые пни редкозубья.

– Что-то собаку вашу не вижу.

– Собака? Это сынов пёс. Джонни-иностранец. Щас мода на их. Я вечером его забираю и – до утра. Он мебели, зараза, грызёт. Щас за ним собираюсь. А днём он у них барахло стережёт. У меня-то кого тащить? У старика. Старуху? Дак... Это по молодости, бывало, сам не свой... Поглядел кто – и-и-и-у-у-у!.. Строгий был. Всё одно ведь гуляла – потом уж узнал. Был там один...

– А вчера долго с собакой гуляли вечером?

– Вчера? – Оборкин замолчал, чтобы попробовать сориентироваться во времени. – Вчера что было? А! Вчера и не погуляли толком. Выскочил какой-то... Да, выскочил да и давай собаку бить. Я говорю: ты собаку не трожь – она денег

стоит. Бо-о-ольших денег. Тыщи за неё были дадены.

– А выстрела не слышали?

– Нет, до стрельбы дело не дошло. Я ему говорю: ты пистолет свой убери, не испугаш. Я – Оборкин! А он – это газовый пистолет. Ка-ко-о-ой там газовый! Я в ВОХРе не работал, что ли? Макаровский-то пистолет я отличу уж как-нибудь, не слепой...

– В котором часу это было?

– Да... Как обычно, полдвенадцатого стукнуло, я и стал собираться.

– Приметы его запомнили?

– Приметы? – Оборкин тяжело задумался. – Прямо скажу: такой убьёт – не моргнёт.

– Возраст, рост, телосложение?

– Темненько было.

– Пистолет же вы заметили.

Гвидон Тугарин применяет методы личного сыска

Тугарин вышел из подъезда и с удовольствием вдохнул нагретый продолжительным днём воздух. Звуки города, по-прежнему живые и беспокойные, жгуче-контрастно накладывались на грядущий покой ночи, который с непоколебимым и ненарушимым упорством снимал тревогу с неугомных источников звукового давления.

Гвидон, утомлённый трудами целого дня, не имел ни сил, ни желания противиться пленящему состоянию туманной рассеянности. В ином мире времени нет, оно стоит на месте. И если бы все звуки куда-нибудь ушли, то и в этом мире, мире низкой энергии, плотной и жёсткой материи, время милостиво умерило бы свой бег.

Окружающие дома, дома старой постройки, с огромными коридорами, просторными комнатами и высокими потолками, за неимением мусоропроводов, всеминутно терпели пред окнами потрёпанный мусоросборник, тяготеющий к перевоплощению в помойку. Возле помойки топтались грязно-серые голуби, а чистобокая сорока, покачивая полусвёрнутым веером хвоста, сидела на ветке берёзы и брезгливо наблюдала за ними. Она не замечала или не желала видеть Гвидона (он был совсем близко от неё), умиротворённо осматривающего доступный ленивому взору кусочек синею-

щего вечера.

Без сомнения, образ сороки в представлениях людей глубоко неверен.

Взгляд Гвидона случайно обнаружил освещённое кухонное окно квартиры Срезнева. Между занавесками вычурно белели олени рога. Рога висят на стене того самого коридора, с пола которого так недавно, сегодня, он собирал пыль своим роскошным плащом. Гвидон словно бы со стороны увидел эту непредставимо далёкую от благолепия картину, и болезненным неуютом охватило его сердце. Каков был приём! А теперь он, благодарный, самоотверженно ищет несостоявшегося убийцу одного из своих обидчиков. Да пусть бы кто хочет колот их огненными жалами пуль, как осы пауков, в их собственных паутятниках!

И уже иным взглядом смотрел Гвидон на окна квартиры, которая всё так же равнодушно (занавеска едва приметно колыхалась) дышала приоткрытой форточкой кухонного окна.

Свет в окне погас, и Гвидон вздрогнул, словно потемневший его взгляд мог быть причастен к этому. Предвестием побуждения к движению дохнул простор в его голову и разметал тяжёлые мысли. Он стоял и смотрел на дверь подъезда, не имея никакой цели. База данных, на почве которых могло бы прорасти объяснение неожиданного интереса, была чиста и безжизненна.

И когда из подъезда вышел Павлик и, свернув влево, начал удаляться, Гвидон просто последовал за ним, не зада-

вая себе предполагающих ответы вопросов. Вскоре он снял плащ, вывернул его на левую сторону и перебросил через руку. Подклад плаща цвета перезревшей ржавчины роднее созревающим сумеркам и не привлечёт света оживающих вечерних огней.

Павлик, между тем, не проявлял интереса к тому, что происходит или может произойти за его спиной. Он шёл своей быстрой походкой, столь же скорой, какова и речь его, умудряясь при этом существенно раскачиваться из стороны в сторону.

Напряжение слезки отсутствовало, и многократно обгонявшие Гвидона автомобили легко совлекали взгляд его со спины Павлика. Ничем не рискуя, Гвидон мог от начала и до конца проследить, как прошлогодние листья взвивались гневно вслед потревожившим их шинам колёс и, демонстрируя решимость догнать их, совершали, грубо толкая друг друга, несколько беспорядочных, неуклюжих скачков. Но через мгновение, пропитанные грязью осени и весны, они в отчаянье опускались на мостовую.

Павлик и Тугарин прошли более полукилометра, когда Павлик вдруг побежал. Гвидон автоматически перешёл на бег и уже в суматохе бега попытался найти объяснение неожиданному изменению ритма движения. Павлик не походил на убегающего, возможно, он куда-то опаздывал. Он бежал так, словно быстро и осторожно ощупывал ногами землю.

Преодолев две сотни метров, Павлик отказался от бега, прошёлся ещё немного и, осмотревшись, исчез в арке. Ниточка простейшей формы скрытого наблюдения оборвалась. По воле объекта наблюдения, в одностороннем порядке. Принцип зеркальности пространственных структур в очередной раз нарушен.

Гвидон сделал рывок, а затем на цыпочках поспешил к арке. Короткий тоннель арки был пуст, как и подсвеченная окнами домов видимая часть двора. Гвидон прислушался, но шагов не услышал. Он скользнул вдоль стены арки и высунул голову на территорию двора. Двор молчаливо жил таинственной полуночной жизнью. Влившийся в эту жизнь даже не на много времени раньше, чем его последователь, мог иметь всю сумму преимуществ на своей стороне.

Гвидон принялся внимательно осматривать двор. Параллельно этому осмотру зародился и мучительно пошёл процесс узнавания – Гвидон когда-то здесь уже был. И – недавно. В беседке, слева, зашевелилась и этим обнаружила своё присутствие тихая парочка.

В это время от куста акации у противоположного дома отделилась высокая фигура и направилась в подъезд. Это был Павлик.

Грохот подъездной двери уподобился выстрелу стартового пистолета – Гвидон сорвался с места и, скрываясь за кустами, по дуге, выгнутой вправо, побежал к впустившему Павлика подъезду. В конце дистанции Гвидон споткнулся

и шумно упал к отворившейся в этот момент двери.

В падении он увидел и бетонный бордюрик, о который зацепился, и затянутые в капрон и обутые в женские туфли две ноги. Именно в данный миг процесс узнавания двора готов был благополучно завершиться, если бы не был грубо прерван изящным вскриком испуганной женщины.

Гвидон поспешно вскочил и, скорченный смущением и болевыми отзвуками ушибов, стал извиняться:

– Я вас напугал, наверно. Простите... Так получилось...

Женщина торопливо приняла извинения – «Ничего, ничего. Я почти не испугалась» – и дробной рысью удалилась.

Гвидон не успел её рассмотреть, да и, ввиду его состояния, имей он даже втрое больше времени, практически это вряд ли было возможно. Он знал только, что она была мила, что знакомство с такою женщиной могло бы быть очень приятно и что чудо взаимного очарования не способно явиться в условиях, когда симпатичного, сильного и гордого мужчину нелепый случай подло швыряет на грязный асфальт, в зону насмешливого внимания чудесных глаз.

Тугарин вспомнил, когда он бывал в этом дворе. Действительно, совсем недавно. И тогда он тоже запнулся об этот же бордюр, в своей серости неприметный, с окружающей серостью солидарный. Он стоял у подъезда, в котором жили супруги Скалыги, точнее, Екатерина Скалыга – жила, Михаил Скалыга – живёт. И Павлик, конечно же, шёл к Михаилу Скалыге и, следовательно, поднялся в квартиру номер сорок

Один.

Поводок цели ослаб, однако инерция преследования, погони увлекла Гвидона в подъезд и втащила его на третий этаж. Словно сжившийся с бешеной скоростью длинный состав тяжелогружёного поезда.

На площадке третьего этажа наступило состояние мирной уравновешенности. Теперь необходимо было всего несколько миллиграммов силы воли, чтобы, подчинив разлаженный механизм усталого тела, развернуть биологический объект и направить его по лестнице, готовой облегчённой мелкоуступчивой поступью вынести во двор весеннего вечера.

Однако жизненный импульс вражьего обольщения – было бы соблазнительно получить звуковое подтверждение того, что Павлик вошёл именно в квартиру сорок один, – упреждающе переломил Гвидона в поясице, совместив его ухо с дверным замком. Подслушивать, вроде как, и неприлично, но бесцеремонная мощь представлений о необходимости ломает, словно спички, нравственные стереотипы.

Соединение головы Гвидона и двери квартиры Скальги оказалось излишне тесным – дверь (её почему-то не закрыли на замок) плавно отворилась. Гвидон выпрямился, почти готовый произнести необходимый набор слов в своё оправдание, но его чуть виноватому взору предстал пустой коридор. Гвидон, собравшись уже прикрыть дверь, подумал, что в любую минуту она может вновь отвориться, причём даже и без вмешательства человека. И тогда уже вмешательство

злоумышленника способно легко изменить судьбу некоторых вещей Скалыги. Раскрытие же краж, совершённых свободным доступом, представляет собою немалую сложность.

Тонкими нюансами отягощённая ситуация прекратила своё существование – Гвидон ступил в коридор квартиры под защитой благой целью обеспеченного иммунитета. Необходимо снять замок – английский – со стопора и захлопнуть за собою дверь. Он готов уже был вознести свою руку к замку, когда неразборчивую скороговорку Павлика – он был, конечно, здесь – прервал ошутимо взволнованный голос Михаила Скалыги.

– Да ты что, Павлик?! – воскликнул Скалыга. – Кто тебе мог такое задвинуть?! Я ещё раз повторяю: я не стрелял в Срезнева! С чего бы вдруг?! Да брось ты, я тебе говорю!

Вновь заговорил Павлик. Призвуки нижних обертонов в его голосе преобладали, а уровень его убеждённости в истинности произносимого предупреждал возможные всплески эмоций. И как результат – лишь очень редкие слова его речи достигали слуха Гвидона в узнаваемом виде.

– Подожди! – слышатся волнением кристаллизованные звуки голоса Скалыги. – Срезнев тоже так думает? Или это личный сдвиг? Скажи честно, прошу тебя! Я, ты знаешь, всегда к тебе прекрасно относился. Разве не так?

Теперь Гвидон Тугарин не мог уйти и под угрозой смерти. Павлик обвиняет Скалыгу в покушении на убийство Срезнева!

Гвидон с огромной долей вероятности мог представить недоступные глазу мимику и жестикуляцию Скалыги, но бессилен был разобрать, что же конкретно говорит Павлик, каковы его аргументы. Разноимённая тональность их голов сама по себе уже требовала объяснения. А ещё вдобавок и безусловность предзаданности неведомыми внешними условиями звучания голоса Павлика.

– Да какая записка?! О чём ты говоришь? Мы, ты же знаешь, каждый день с ним видимся! А телефон! Записка какая-то!

Это говорит Скалыга. Недоумение и возмущение неосязаемыми струйками вливаются в поток его восклицаний. В ответ Павлик, похоже, разъясняет, что записка носит специфический характер и имеет определённую цель.

– Да я понимаю! – отвечает Скалыга. – Но с чего вдруг решил, что записку послал я? Подписи там, говоришь, нет... Что там на меня указывает-то? Анонимка она на то и анонимка, чтобы скрыть, кто её писал. Или подозрение на кого-то бросить!

Павлик долго что-то объясняет.

– Да, задачка... – произносит Скалыга, говорит ещё что-то неразборчивое, потом задаёт вопросы, в паузах выслушивая ответы. – И все эти приметы назвал?.. Он?.. А не сам ли ты это придумал? Ты-то прекрасно знаешь мою внешность. И шрам на лбу, и родинку на подбородке. А?.. А что я должен думать, если я тут ни при чём?.. Но я-то знаю, что я ни-

кого и ни с какой запиской не посылал!

В дверь позвонили. У Тугарина было исключительно мало времени. Увлечённый чужим разговором, он и не помышлял о такой возможности. Пригнув голову и прикрыв кистью руки значительную часть лица, он распахнул дверь, со словами «входите, пожалуйста» проскользнул мимо молодой женщины в светло-голубом плаще и, уже не очень торопясь, сбежал по лестнице.

Укрывшись среди кустов, он видел, как Скалыга выбежал на балкон и долго, вытягивая шею, осматривал двор. Гвидону вдруг стало весело, он даже хотел помахать Скалыге рукою, но удержался. Выбежал из подъезда Павлик, и Гвидон вынужден был присесть на корточки, чтобы не быть обнаруженным.

Случай предоставил ему время на размышление. Необходимо подвести итоги – вот только бестактные щупальца взбудораженного сознания всё ещё теребят остроугольный эпизод бегства из квартиры Скалыги.

Обнаруживаются, впрочем, и мягкие грани. Например, бальзаму ласки подобно могущество спокойствия, явленное в краткий миг экстремальной ситуации. Вполне возможно, будущее покажет, что он избрал не лучший из вариантов, но в результатах актов творчества главное – не что, а как.

Жаль, не удалось дослушать разговор до конца. Когда время уходит вперёд, действительность рушится, и лишь пылинки фрагментов реальности цепляются за микромеханизмы

людской памяти. А если какое-либо явление (пример – беседа Павлика и Скалыги) воспринимается в половинном виде, да ещё и не во всей полноте ощущений – в этом случае момент обманчивости восприятия можно возвести в квадрат или элементарнейшим образом увеличить на порядок.

В покушении на Срезнева Павлик подозревает Скалыгу. Это однозначно. И почему-то Павлик полагает, что записку Срезневу направил Скалыга. Кстати, на этом факте Павлик и основывает своё подозрение. Какова степень истинности самого этого факта – вопрос. По крайней мере, Скалыга отрицает свою причастность к инкриминируемому деянию, и довольно-таки наступательно.

И ещё. Они что-то говорили... Стоп! Стоп! Стоп!.. Они говорили о приметах. И приметы-то Скалыги как раз и совпадают – это ещё когда можно было заметить! – с приметами того субчика, которого видели Оборкин и пёс Джонни. Вот только... Да, усов у Скалыги нет. Однако обзавестись усами на период совершения преступления – не велика проблема. Идя на дело, преступник изменяет внешность – это так естественно.

Если посылки истинны и логически верно соединены... Гвидон сделал глубокий вдох и торжествующе осмотрелся, словно вдруг очутился на собственном юбилее многолетней сверхпродуктивной деятельности.

Скалыга, нечистая сила и Бог

На деревянном плосковерхом столбике оградки сидит кот, чёрный, с белым широким галстуком, и с брезгливым равнодушием наблюдает воробьиную суету. Кот, будто бы, не видит взлохмаченную собачонку, не слышит её визгливого лая, влажного, вполне возможно, от паров слюны, закипающей на огоньке бессмысленной злобы. Чтобы быть услышанной, собака забегает вправо, пред очи кошачьи, но кот, прикрыв глаза, поворачивает голову в другую сторону и обращает взгляд на приближающегося Михаила Скалыгу. И собака бежит прочь, с чувством тяжёлым и неясным.

Скалыга оглядывается – бледная клякса солнца брызгами лучей слилась с небосклоном, следовательно, кот щурится не от солнца, а от презрения к нему, к Михаилу Скалыге.

Метеоритного дождя никто не боится. Очень вероятно, в силу персональной ничтожности. Когда же в нескольких десятках сантиметров падает подгоревший кирпич, колючие его осколки с поразительной быстротой поражают счастливого бациллами мистического транс-ужаса. И воспринимается это проявление многокачественного мира как небезбальный знак её величества Судьбы, но никак не в качестве информации внешнего порядка.

Скалыга коротко глянул вверх и тотчас же обернул взгляд куда-то внутрь себя, словно боялся, что конец живущей

внутри него (и равнодушно пожирающей свободу желаний) спирали вакуума обнаружится отсутствующим.

Потом он отбежал метра на три назад, на мостовую, и, закинув голову, запрыгал взглядом по лестнице пёстрых балконов. На пятом этаже, слева, женщина развешивала бельё, а чуть ниже, на четвёртом, постукивал молотком пожилой мужчина. Звук упавшего кирпича понудил их отставить на время свои дела и многослойными животами налечь на перила балконов.

В межбалконном пространстве восьмого этажа, облокотившись на перила, стояла и смотрела во двор старуха. Падение кирпича ею, похоже, замечено не было.

Больше никого Скалыга не обнаружил. Не опуская головы, он попятился дальше вглубь двора и продолжил осмотр балконов.

Уже в подъезде Михаил Скалыга обнаружил боль напряжения в области шеи и сообразил, что его голова позорно и ненужно втянута в плечи. Открывая дверь собственной квартиры, он поймал себя на том, что прислушивается к звукам лифта, способного остановиться на третьем этаже и распахнуть свои двери за его спиной.

Зеркала трельяжа могли содержать лишь одно человеческое отражение – его собственное. Но Скалыга старательно избежал общения с миром Зазеркалья – зеркалом возвращённый взгляд мог позволить себе бестактность.

Он пересёк комнату и воздел руку к шпингалету балкон-

ной двери, когда только что боковым зрением увиденное несоответствие было признано таковым.

– Этого не может быть! – сказал Скалыга себе.

Он опустил руку и представил себя насмехающимся над самим собою, но вскоре догадался, что это всего лишь беспомощный повод подольше не оборачиваться. Скалыга обернулся. Свадебный портрет, который он своими руками снял со стены и убрал в сервант, висел на привычном месте. Два улыбающихся молодых лица. Не верится, что они по-прежнему улыбаются будущему, которое уже стало прошлым. Более чем наполовину, во всяком случае.

Скалыга повернул голову в сторону серванта. Не сформулировав определённой цели и без осознанного контроля своих действий. Сначала его поразило то, что он так безошибочно поймал взгляд фотопортрета жены, а потом – что портрет стоит там, где и всегда стоял раньше, хотя он собственноручно поставил его в левый угол, повернув к задней стенке серванта.

Образы нездешнего мира утрачивают условность.

Проявляется непроявленное.

Вещественное соответствие обретает то, чего не существует, что создать природа творящая не сумела или не удосужилась.

Несуразности способны захватить весь плацдарм ежедневности.

Мироразумение определяют наличные жизненные ситу-

ации. Следовательно, положительный баланс жизни станет недостижимым.

Он просто сойдёт с ума. Это самый лёгкий способ доказать, что человек привыкает не ко всему, хотя, быть может, и ко многому.

Скалыга укоризненно посмотрел на некстати зазвонивший будильник.

Будильник продолжал звонить.

Всё громче и громче, испытывая жизненность и выносливость Скалыги, его силу и крепость.

Михаил Скалыга не сводил с будильника взгляда и, как мог, успокаивал себя.

Звон будильника разрастался.

Чтобы взорвать то, чему и названия нет, и чтобы жизнеубийственный фонтан возбуждений хлынул во внешний мир.

Наконец Скалыга потерял какую-либо способность к волевой регуляции. Он начал быстро ходить, почти бегать по квартире, переставляя стулья, перекладывая вещи с места на место и стараясь запомнить их новое местоположение. Запомнить – это очень важно!

А будильник – устранить! С чувством сладострастного злорадства он схватил будильник и побежал в ванную. Ванна была пуста. Над нею с готовностью изогнулся излив смесителя, но Скалыга уже заметил, что ванна имела дырку в порывелом днище. Он бросился в туалет и сунул будильник

в унитаз. И выпустил воду из смывного бачка. Уже почти равнодушно он опустил крышку унитаза и, усталый, едва волоча ноги, вышел из туалета.

Но в возможность тишины не верилось. Скалыга прислушался. Тишина терпеливо пыталась прикоснуться к больной душе краткими мигами, всякий раз хладнокровно обрываемыми звонкими сигналами телефонного аппарата. Он снял трубку и поднёс её к уху. Позвонивший молчал, ожидая, судя по всему, что Михаил Скалыга заговорит первым.

– Алло! – услышал Скалыга после неприлично продолжительной паузы. После «о» звука «вэ» не было, однако он подразумевался. Таким вот образом произносила это слово его жена. – Скажите, пожалуйста, это коммерческий магазин? Я правильно набрала номер?

Показалось, что голос похож на голос его покойной жены. Следовало ответить, что это не магазин, а квартира, и положить трубку, но Михаил Скалыга счёл необходимым сходить.

– А в какой, простите, коммерческий магазин вы звоните? – спросил он. – Коммерческих магазинов, знаете ли, очень много.

– А я и не помню название. Мне дали телефон и сказали, что там кофты из ангорки имеются.

– Кофты из ангорки сейчас только в банях не продают, – заметил Михаил, обдумывая следующий ход. – А кто, простите, вам телефон дал?

– Разве это имеет какое-то значение? – неизвестная женщина по-прежнему говорила голосом жены и ни разу, кажется, не сфальшивила. – Вы ответьте-ка... Я туда попала, скажите?

– Нет, просто бывают очень похожие голоса.

– Что? Что? – спросила женщина, и Михаил Скалыга готов был усмотреть отеночек насмешки.

– Вы ошиблись! – торопится Михаил. – Номера очень похожи... некоторые. Это квартира. Но если вам нужны пуловеры из ангорки...

Женщина что-то говорит, вроде как насмешливое, и кладёт трубку.

Скалыга, развернув кресло, сел в него и стал рассматривать узоры ковра. Строгие симметрии ковра надёжны и ненавязчивы. А жизненные несуразности следуют одна за другой. Их методичность и стадиальность вполне можно использовать при построении какой-нибудь формулы, в которой и совместить все утверждения наблюдения.

Но это – задача сложная. Это более опасно, чем бесконечно долго вглядываться в один из неудачно выбранных узоров ковра. И что касается пользы... Божья воля на пёстром фоне текущей действительности выглядит скромно и неприметно.

Всю тяжесть чувствований переместить на диван, а самому ускользнуть в состояние бесшумного сна! Почему он не сообразил этого раньше? Михаил Скалыга перебирается на диван и горячей щекой собирает прохладу подушки.

Из радиоприёмника слышится мелодичная песня, но слов не разобрать. Не открывая глаз, он поднимает руку к приёмнику и прибавляет громкости. «Лишь только спящему ему бывает хорошо по-настоящему», – звучат слова песни.

– Что?! Что это? Что это такое?! – вскакивая на ноги, кричит Скалыга. – Когда это кончится?! – И вырывает из розетки провод радиоприёмника. А затем принимается бегать по квартире. – Или это не кончится никогда? Что же, так и будет всё это продолжаться? Муки ада – с доставкой на дом? Хорошо! Что следующее? Я ко всему готов. Сейчас я буду ко всему готов! – оборачиваясь назад, словно кто-то мог его услышать, выкрикивает уже ухватившийся за ручку холодильника Михаил Скалыга.

Когда в дверь позвонили, он уже пил водку и попутно беседовал с Богом.

– Ты ждёшь меня, злопамятный и вредный старик! – с издёвкой бросил Скалыга, небрежно скашивая нетвёрдый взгляд себе за спину. – Ждёшь, я знаю... А я живучий. Только нервный немного. Жизнь ухватила за грудки и трясёт... Но я вы-ы-ырвусь, вы-ы-ырвусь...

Михаил Скалыга не мог бы похвалиться даром веры – в эфирной среде винных паров разыгралось его воображение. Он скорее бы согласился считать себя автономной биоэнергетической единицей космоса, чем-либо вроде индивидуального энергоинформационного комплекса. Да и это потому лишь, что субстрат восприятия всего сущего имел без-

образное лицо яростных до бешенства и мелочных до изящества грязных страстей.

К тому же в прекращение и собственной-то жизнёшки верить не хотелось – не то что во всеохватное ничто. Базовой программы выживания не быть не может – иерархическое строение мироздания не вызывает сомнений. А чтобы представить варево жизни в необитаемой и безответной безграничности, бескрайности, безмерности, надо иметь особые мозги.

В этот раз дверь оказалась закрытой, и Тугарин воспользовался звонком.

– Добрый вечер! Узнали? – сдержанно улыбаясь, поздоровался он. – У вас, я так понял, кто-то в гостях?

– Нет. Никого, – ответил Скалыга и, забыв поздороваться, пьяно уронил голову на грудь. – Хотя я и сам не знаю. Может, нечистая сила.

– Но вы с кем-то разговаривали. Я и подумал, что у вас кто-то есть. А вообще-то я поговорить зашёл.

– Ну так... – Скалыга вздёрнул плечи, разведя руки в стороны, и задумался, не будучи способным сообразить быстро и верно.

Ситуативный мотив (разговор с нетрезвым Скалыгой манил перспективами) подстегнул Тугарина, и он несколько торопливо обошёл истуканистого Скалыгу и сбросил туфли.

– Вы, я вижу, не совсем гомо эректус, – говорил Гвидон Тугарин, идя следом за Михаилом Скалыгой в гостиную.

– Что? Что?

– Я говорю – вы сегодня не совсем уж чтобы человек прямоходящий. Может, мне завтра зайти? – спрашивал Тугарин, а сам откровенно осматривал комнату в ожидании приглашения присесть (прогнать его сейчас было бы трудно). – Или вы бы... Я бы повестку оставил, чтобы не забыли.

– Не-не, я почти что в норме! – возразил Скалыга. – Вот сюда, пожалуйста. Я трошки расслабился. Мал-мало, совсем ничего. Крыша, правда, вроде как... В неизвестном направлении незаметно...

– Я понимаю. Иногда организм требует. Как в вашем случае. Вырваться, хоть ненадолго, из тяжёлых реалий, в психоделическое, что называется, путешествие закатиться. Жена же...

– Да-а-а... – тяжело усаживаясь, согласился Скалыга. – А вы не женаты?

– Нет пока.

– Оно и к лучшему, – одобрил Скалыга, но сам же и спросил: – А что так? Я вот второй раз был женат. Да.

– Как говорит мой шеф, в поле все цветы красивые, домой принесёшь – вянут.

Скалыга посмотрел на Тугарина пристально, без улыбки. Он, по всей видимости, шутки не понял.

Лицо Михаила Скалыги состояло из печальной верхней половины и тяжеловатой нижней, соединённых сравнительно небольшим носом. Гвидону всегда нравились такие ли-

ца у собак. Подобные лица очень неоднозначны, они поддаются перевоплощению под влиянием минимума косметических средств. И нередко от какого-нибудь пустяка, такого, например, как угол зрения, зависит формирование вывода о том, добродетельную ли жизнь благородного героя ведёт владелец такого лица или, напротив, жизнь мерзкого злодея с бесследно изъятой душой.

Пить Тугарин отказался.

– Вы – как вам угодно, а я работаю сегодня. До двенадцати, – отговорился он, солгав легко, без какого-либо напряжения, ибо – во благо. – Заставляют нас. В связи с усложнением оперативной обстановки.

Тугарин решил не спешить, раскрепощённого алкоголем собеседника ещё более расслабить безобидным разговором на темы общежитейские. Однако скоро он уже с методически возрастающей тревогой наблюдал за сообщением двух сосудов: бутылки и рюмки – Скалыга пил понемногу, однако с патологически нетерпеливым прилежанием.

Гвидон пробовал даже приурочивать свои вопросы к моменту, когда рюмка отделялась от стола и готова была взмыть вверх, к заблаговременно отворённому рту. Но всякий раз безуспешно. Молчаливым жестом указательного пальца Скалыга просил паузы в разговоре и доводил начатое до конца. Только установив на журнальный столик опустошённую рюмку и закулив очередную сигарету, Скалыга, без энтузиазма, неохотно, через силу косясь на Тугарина, от-

вечал на заданный вопрос, произнесённый Гвидоном к этому моменту на всякий случай повторно. Почти неподвижные губы Скалыги освобождали речь его от звуковых образов, роняя неузнаваемо измятые слова. Иногда вместо ответа на вопрос Михаил Скалыга вслух отвечал на свои метафизически тяжёлые мысли.

Человек не способен увидеть себя моргающим, даже если он стоит у зеркала и смотрится в отражение собственных глаз. Тугарину же было невероятно трудно. Направленной сосредоточенности его специфически познавательной деятельности непоследовательностью Скалыги причинялся ощутимый ущерб.

– Кстати, – Гвидон дотронулся до руки Скалыги, невольно обозначая важность подготовленного вопроса, – позавчера я вас в театре видел. Как вам спектакль?

– В театре? Позавчера? – переспросил Скалыга. – В театре сто лет не был. Честное пионерское, не пить мне до самой смерти.

И потянулся к бутылке.

– Не может быть! Да я уверен, что вас видел. Я ещё подойти хотел. В двенадцатом часу вы разве не в театре были?

– Не-не. Какой театр? Где я был позавчера?.. Дома сидел. Поужинал, телевизор... Спать потом завалился.

– В гостях у вас кто-то был? Друзья-то, говорю, не забывают?

– Не, никого не было. Какие друзья? Нужен – не ну-

жен. И насколько нужен. Друзья там, в старой жизни. А сейчас... – Скалыга неохотно махнул кистью руки и скривился. – Если куда-то подставить, друг найдётся... Если жизнь отвергнет, за что зацепиться? Кирпич падает... Ему неоткуда упасть, а он всё равно... И – фотографии... Я же не сумасшедший, я-то знаю!

– Но Срезнев, думаю, вас не бросает в несчастье? Общее дело у вас, как-никак.

– Какое общее дело? – переспросил Скалыга, придерживая рюмку на уровне груди.

– Да фирма ваша, малое предприятие. Или вы уже товариществом с ограниченной ответственностью стали?

– Да, общее... – после паузы, вызванной технологическими причинами, ответил Скалыга. – Ответственность – ограниченная. Вброд... Где одному по... пуп, другой... И захлебнуться, знаете, можно. Я сам убрал фотографии, я же не псих. А радио? Я на диван, а оно – «лишь только спящему...» Что? Как? А? Ко мне Белькова, а дверь... неизвестно кто... И ещё – входите, говорит. А? Как? В чужую квартиру – пожалуйста, заявляет. Это как?

Скалыга повернулся к Тугарину и посмотрел на него протрезвевшими на миг глазами. Гвидон, не ведая, что метаморфоза с просветлением взгляда собеседника вызвана вспышкой отчаяния, поспешно увернулся, преувеличивая интерес к оседлавшим вершины коленей пылинкам.

Скалыга помолчал и шумно выдохнул:

– И ещё не всё... Но я знаю, откуда ветер... – добавил едва слышно.

– Откуда же?

– Я знаю! – мрачно изрёк Скалыга, и было ясно, что он упёрся в тупик отчуждения и одиночества – даже назад не сразу вытащишь.

– А со Срезневым у вас отношения, я так понял, натянутые? Проблемы какие-то есть? – выдержав паузу, заговорил Тугарин.

– Сколько угодно. По проблеме на каждую тыщу вложенных... совместных. И ещё всякие...

– И какие же, если не секрет?

– Да. Вот именно – секрет. Сплошные тайны. Мрак. Я за чертой. И никого уже не позовёшь. И если не сам, то... никто... Деньжата, правда, есть... Но деньги, опять же, не у меня одного. Да и что деньги?

Михаил Скалыга махнул рукой, очень неосторожно, и только что опущенная на поверхность столика рюмка упала на ковёр. Он привстал, желая нагнуться за рюмкой, но утратил равновесие и завалился в сторону, уткнувшись головой в раскинувшуюся на треть столика чугунную пепельницу.

– Вопрос: мордой в пепельницу меня – кто? – спросил Скалыга, выскребая из волос окурки и пепел, и мрачно покивал головой. – Этого никто не знает... Я сам не знаю. – Скалыга впал в оцепенение, затем встряхнулся, встал, сказал: – Пардон!

И отправился в ванную комнату. Войдя спустя несколько минут в ванную, Тугарин обнаружил Скалыгу стоящим на коленях и неспешно посыпающим задумчиво склонённую голову светлым порошком. Гвидон подумал, что ему следует вмешаться в столь замысловатый очистительный процесс, и вынул из руки Скалыги коробку с порошком.

– Предназначается для чистки, дезинфекции, дезодорации и удаления устойчивых загрязнений: мочевого камня, отложений солей жёсткости, ржавчины... – вслух прочитал он, вздохнул и, сняв пиджак и засучив рукава сорочки, принялся за мытьё чужой головы.

– И кому, скажите, нужна... была нужна... эта голомо... гомоло... гламо-мойка? – Скалыга, очевидно, решил, что настала его очередь задавать вопросы.

Освежающего эффекта водные процедуры не дали – Михаила Скалыгу развезло ещё больше. Он что-то лопотал, его реплики, вопросительно интонационированные, неотчётливыми бумерангами чертили воздушное пространство квартиры и пропадали без следа. Всё более мутнея разумом, он скоро начал выкрикивать нечто, что никоим образом не могло удовлетворить уже ни синтаксическим, ни семантическим, ни прагматическим критериям осмысленности.

И Гвидон понял, что пришла пора откланяться и уйти, ибо время уже позднее, а завтра снова на работу.

Портрет автора записки

С утра Гвидон Тугарин решил заскочить к экспертам.

– Доброе утро, Аркадий Иванович! Расселись и зеваете, словно этой ночью все экспертизы закончили, – входя в кабинет Томилова, заговорил Гвидон.

– Здорово! – прерывая зевок, выдавил из себя эксперт-криминалист и пожал протянутую руку. Затем, с трудом проталкивая слова сквозь незамедлительно явившийся следующий зевок, сказал: – Зачем пожаловал, рассказывай!

– Вы, Аркадий Иванович, я смотрю, впали в спячку и душевный гомеостаз. Такое впечатление, что сегодня зарядочку не сделали, не пробежались с утречка и холодный душ не приняли.

– Какой там душ! – перекривился лицом и телом Томилов. – До двух часов в ящик пялился.

– Аркадий Иванович, результаты почерковедческой позарез нужны. На какой стадии работа? – Тугарин присел на край стула и смотрел с надеждой.

– Занимался я, – Томилов нехотя потянулся через стол и безошибочно извлёк из вороха бумаг нужные листы, добросовестно скреплённые, – но ещё не оформлял. Сегодня сделаю, если ничего сверхсрочного не будет.

– И каково же заключение будет? – Гвидон вытянул шею и зашевелился на стуле.

– Ну что тут можно сказать? – Аркадий Иванович зашуршал листами бумаги, с отвращением на них поглядывая. – Налицо изменение стиля, если, конечно, оставаться на позициях атеизма. А мы ведь с тобой, дражайший Гвидонша, атеисты, не так ли? В этом случае получается, что лексика богатая, архаизмы, профессионализмы и тэпэ. Маскировка почерка, следует также отметить, под печатный шрифт имеется, точнее, близкий к печатному, некое подражание.

– Это всё понятно. Давайте дальше. Не священнослужитель писал? Как думаете?

– Вряд ли. Грамотный человек писал.

– Михаил Скалыга – грамотный, что и говорить. Верхнее образование.

– Идентификационных признаков, понятно, не очень-то много. Тех, по крайней мере, которые могли бы иметь большое значение для идентификации. Но человек грамотный писал...

– Ну-ну, ясно! – поторопил Аркадия Ивановича Тугарин, подстёгиваемый нетерпением.

– Выработанность почерка, говорю, высокая. Вот тут смотри. Видишь? Пишущий всё время придерживает себя, чтоб только по печатному получалось, но срывается иногда. И всё-таки можно предположить, что связность достаточно высокой должна быть. Поэтому вполне вероятно, что автор записки и исполнитель – одно и то же лицо. Хотя, конечно, это и не обязательно.

– Мог, уверен! – воскликнул Гвидон. – И сочинить, и написать. Он всё мог. Я его уже как брата родного изучил.

– Но с уверенностью могу сказать, что, скорее всего, текст был заранее написан, а уж потом переписывался на чистовик, который мы и имеем перед собой. Никаких помарок, исправлений – работа чистая. Видишь? И намерения у них – серьёзные.

– Почему так решили?

– Ну-у, общее впечатление... Даже подписи нет. Черновичок интереснее бы оказался, конечно.

– Но нет его – что о нём... Хотя, естественно, будем искать. У Скалыги обыск проведём, ещё кое-где пошарим.

– Что ещё можно сказать? Почерк по размеру средний, пожалуй. Или даже крупный. Почти вертикальный по наклону, округлая форма движений... Усложнённый, скорее всего. С полной уверенностью, сам понимаешь, не скажешь. Из-за маскировки под печатный.

– Всё ясно! – ожил Гвидон. – Всё это в полной мере соответствует почерку Скалыги. Разве не так? Перелистайте дальше. На образцы глянем.

– Ты прав, пожалуй, – Аркадий Иванович сделал паузу, – был бы... – добавил он и заметил, что Тугарин под грузом недоброго предчувствия слегка осел на стуле. – Был бы прав ты, Гвидонша, если бы эта записка не была написана женщиной. Вот так. Так что несите новые сравнительные образцы.

– Что же вы мозги-то мне пудрите столько времени? –

с упрёком сказал Гвидон и не стал скрывать, что расстроился. – Такие приколы, Аркадий Иванович, должен вам заявить, разъедают дружескую основу наших отношений. Сказали бы кого искать, а потом образцы требовали. А то придумали тоже – женщина!

– Женщина.

Теперь уже Гвидон просто возмущён.

– Да с чего вдруг женщина?!

– Частота встречаемости различных признаков – применительно к половой принадлежности обследованных. Статистика такая есть. Коэффициенты имеются, формула специальная.

– И это – железно?

– Да как тебе сказать? Теория вероятности...

– Ну вот – теория вероятности! Скажите тогда уж – блондинка или брюнетка по вашей теории получается?

– Женщина молодая, симпатичная, достаточно стройная, полагаю. И пользуется хорошими духами, если, конечно, не одеколоном вашего брата записка попахивала. Я не особенно в этом разбираюсь, Гвидонша.

Гвидон Тугарин надевает маску художника и волокиты

Пообедав в кафе «Сирень» и получив в гардеробе свою куртку, Гвидон Тугарин в одной из вышедших из малого зала молодых дам неожиданно быстро, с первого взгляда, в общем-то, узнал ту самую девушку, которая позавчера вечером приходила к Скалыге. Измени она причёску, надень другие очки – он, возможно, и сомневался бы. Но этого не случилось, и молодая женщина была стопроцентно позавчерашней.

Знакомство с нею могло бы пригодиться. Сделать это можно, не злоупотребляя служебным положением, организовав, скажем, случайное знакомство. А оказаться узнанным ему не грозит – лица его она не видела и одежда на нём сегодня иная.

«Это дело добровольное: родился – живи», – мысленно усмехнулся Тугарин. Штрихи самоусмешек среди ежедневности – своего рода психологическая коррекция, предварительная и предваряющая.

Он почти замер у зеркала, его организм – в ожидании сигнала к действию. Всё, что способно породить движение (энергия, материальное начало), сместилось в ближайший тыл глазам, вниманием напряжённым. Только руки продолжают машинально затягивать петлю галстука.

В тот момент, когда она отвернётся к зеркалу, чтобы с элегантно́й безупречно́стью уложить шарф вокруг шеи, он стремительно, но плавно (на цыпочках?) преодолет разделяющее их расстояние. С таким расчётом, чтобы она заметила его лишь в самом конце манёвра. И, когда она обернётся с застрявшими около шеи кистями рук, он предстанет перед нею, держа в разведённых на ширину плеч руках её плащ. «Сударыня, вы позволите мне оказать вам (Вам) эту маленькую услугу?» – исключительно спокойно, голосом не ожидающего отказа человека произнесёт он.

И она, конечно же, охотно позволит. Ну а если возникнет непонимание, он явит величайшее смущение, в состоянии которого даже самой жестокосердной женщиной (а таковых крайне мало) мужчина оставлен быть не может.

Шее – очень некстати – стало тесно в объятиях галстука, и перемещение его, так хорошо задуманное, было оркестровано кашлем. Гвидон, тем не менее, вовремя схватил плащ и, мучительно удерживая кашель, отчего глаза его оказались чрезмерно вытаращенными, затряс этим плащом перед молодой женщиной. Она взглянула на Гвидона с недоумением и сделала попытку обойти его.

– Э-э, пожалуйста! – запротестовал Гвидон. – Кхе! Кхе!

– Нет-нет! – пятась и пряча руки пониже груди, сказала женщина. – Я – в своём...

Гвидон пуще прежнего (хотя куда уж, казалось бы) округлил свои глаза, однако та, улыбаясь, проследовала мимо.

Прошло совсем мало времени, и Гвидон всё понял. Прошло не более двух секунд, в течение которых девушка успела лишь сделать пару шагов и, нагнувшись, устремить руку к лежащему на скамье плащу, а её спутница, сия всем своим существом, включая и беззастенчивые краски бурного макияжа, возникнуть перед Гвидоном. И Гвидон сейчас же понял: он ошибся, он перепутал плащи двух подруг. Плащи, исполненные в прозрачных голубых тонах, были так похожи.

– Вы очень галантны, молодой человек, – произнесла стоящая перед ним хозяйка плаща, и Гвидону показалось, что радуги светоэффектов насмешливо разгуливают по её лицу и всему телу. – Я вам очень-очень благодарна.

Она повернулась к нему спиной и пингвиньи крылышки рук выставила навстречу разинутым рукавам плаща. Гвидон – ему хотелось хотя бы частично нейтрализовать возникшую неловкость – поспешил поскорее облечь даму в её плащ. Но потерпел неудачу – руки не попали в рукава. Он разволновался от этого ещё больше и, неосторожно комкая в руках плащ, нагромоздил одну за другою ещё с десятков попыток, столь же неудачных. Требовалась пауза, чтобы отыскать отверстия рукавов, однако, очевидно, ветерок смущения рассеял лёгкое облачко ментальных энергий – Гвидон не мог принять верное решение.

На помощь ему пришла желающая поскорее одеться женщина.

– Вы, несомненно, джентльмен, это сразу видно, но дам,

похоже, не часто одеваете, – сказала она, обернувшись к незадачливому ухажёру и довольно быстро отыскала сначала один рукав, а затем и другой.

И оба облегчённо вздохнули.

Одетая с его участием «дама» поблагодарила Тугарина, смутив его окончательно, и присоединилась к своей спутнице. Гвидон взял куртку, ожидавшую его на прилавке гардероба, надел её и глянул в направлении двери, желая убедиться, что девушки вышли наружу.

Однако оказалось, что это не так. Они стояли возле двери и смотрели на него. Гвидон с тревожной растерянностью сосредоточил внимание на их лицах – углы губ и прищуренные глаза не могли утаить задор веселья. Гвидон, вместо того, чтобы улыбнуться – видно, все связи между нейронами его мозга пообрывались и поперепутались, – неизвестно зачем нахмурился, словно протестуя против чего-то и демонстрируя невзрослую неосновательность и глупость.

Одетая в измятый Тугариным плащ женщина приподняла руку и поманила его пальцем. Гвидон отправился на зов. В эту минуту ничто не обличало в нём поборника изысканной элегантности, светскости и рафинированной утончённости во взаимоотношениях с представительницами прекрасного пола. Мрачное наследие недавних неудач. И теперь подобный неуютному панцирю комплект рефлекторных спазмов и вялое, унижением неуспеха потушенное сознание определяли стилистические особенности мышления

и действия Гвидона.

Он добрёл до ожидавших его молодых женщин и в принуждённой улыбке растянул губы.

– Молодой человек, вы нас не проводите? – услышал он. – А заодно и познакомились бы. Нам показалось, вы с кем-то из нас хотели познакомиться. Правда, не поняли, с кем.

Тугарин перевоплотился в более естественно улыбающегося человека. В ответ на предложение назвать своё имя он послушно это сделал, затем воспринял с вежливостью в лице благозвучие двух женских имён, которые, к огорчению своему, тотчас забыл, и, водительствоваемый динамическим стереотипом, пожал ручки дам и отворил тяжёлую дверь.

А между тем, с ним произошло непредвиденное и, как правило, непредвидимое.

Человек может бежать по жизни легкомысленным молодым эрдельтерьером или многодумным ответственным мужем таранить жизненные обстоятельства – это мало зависит от способа освоения действительности. Достаточно того лишь, чтобы не был атрофирован эстетический вкус. И это так же естественно, как, например, естественны периоды космических возмущений окружающей среды или как, к примеру, закономерны эти редкие случаи высших духовных состояний, когда мир переворачивается – и мы видим перед собою звёздное небо.

Можно быть бесчувственным к разнице между нотами в пять тонов и, тем не менее, вычленить камерную музы-

ку напряжённой гармонии, когда одноголосие ниточки контактной биосвязи захлёстывает сердце и увлекает в невесомость неведомости. И речь не идёт о влечениях, возникающих из устройства человеческого организма под действием всевременных соблазнов и обольщений. Речь об ином, а именно – о полном, безусловном и безоценочном принятии, что есть любовь.

Гвидон не мог бы похвалиться, что, знакомясь с заинтересовавшей его девушкой, достаточно отчётливо её увидел и подробно рассмотрел – велика была в ту минуту концентрация всех представлений на ещё живых травмирующих моментах. Он запомнил светло-синие глаза среди насыщенных оттенков голубой и розовой гаммы и в обрамлении тёмно-пепельного каре волос. Он почувствовал, что одежда неброских и ласковых цветов окружает её нежностью и прохладой одновременно. В форме предчувствия он с каким-то даже удовольствием пережил неопределённое и расплывчатое ощущение сладостной горечи.

«Надо же! – мысленно воскликнул Гвидон. – При исполнении служебных обязанностей... Надо взять себя в руки». Главное – не забыть, для чего он хотел познакомиться (и это уже осуществилось) со знакомой Михаила Скалыги. Он должен узнать, что её связывает с ним и не она ли была исполнителем записки. С насюка все вопросы не прояснишь – ему следует познакомиться с нею поближе.

Целостность логических связей уже восстановлена, но вот

как выскочить из цепящей эманации любовного очарования, преувеличивающей значение слов и движений? В разговоре же необходима улыбчивая лёгкость, придающая репликам впечатление непринуждённых шуток.

К радости Гвидона нашлась посредница, которая по собственной инициативе взяла на себя роль координатора в созидании словесного декорума, предоставив ему спасительную возможность отвечать на вопросы анкетного значения и потихоньку набираться жизненных сил.

– А это интересно – быть художником? – спрашивала она (Гвидон представился художником), и сияющий её взгляд недвусмысленно подсказывал Гвидону ожидаемый от него ответ. – Я обожаю людей творческих. Ты – ой, я уже на «ты» перешла! – ничего?.. («Пож-пож-жалуйста!» – взмахнул обеими руками Гвидон). Ты знаешь?.. Нет, ты же не знаешь, кем работает Полина! (Так он установил имя одной из двух новых знакомых). Она работает... Извини, Полинка, ты, конечно же, служишь, а не работаешь. Она служит в театре. Актриса!

Гвидон, поклонник местного драмтеатра, забежал чуть вперёд и повернулся к Полине.

– Вы – Полина Белькова! – воскликнул он. – Вы играете превосходно! Я вас запомнил ещё в спектакле...

И замолчал. Он изумился вдруг тому, как вспорхнули испуганно ресницы его собеседниц, а их лица стремительно, словно отбеливающая волна вмиг смыла с лиц всю косме-

тику, побледнели. Мгновением позже за его спиной раздался скрип автомобильных тормозов, и Гвидон метнулся к девушкам, чтобы оттолкнуть их в сторону, однако, в прыжке обернув голову назад, он увидел знакомый автомобиль цвета грязной охры, с энергичным кивком замерший у самого бордюра.

Тугарин бросил все свои силы на борьбу с инерцией движения собственного тела, но сил этих не хватило, и он оказался в объятиях Полины, под флагом отчаяния к нему припкнувшей всем своим телом. На тротуар они упали вместе, молчаливой связкой. Позитивной стороной данного несчастья явилось то, что Гвидону удалось добиться, чтобы нежеланное соприкосновение с асфальтом осуществилось посредством его именно спины, более пригодной для неприятностей подобного рода.

В момент соединения с асфальтом он ещё успел заметить в приветственном жесте замершую руку с огромным камнем запонки цвета луговой зелени, но в следующий миг и автомашину, и бестактно растущую из неё руку закрыла копна рухнувших на его лицо ароматных волос.

Когда Тугарин и Полина поднялись на ноги, чтобы отряхнуться и привести себя в порядок, Хряпин, покинувший к этому времени место за рулём, уже вступил в разговор с подругой Полины.

– Видите, что вы наделали, хулиган бессовестный? – с капризным жеманством выговаривала ему молодая женщина

и остреньким прогнувшимся пальчиком указывала в сторону потерпевших. – А теперь – «простите, пожалуйста»? Как-ков! Нет, вы только посмотрите!

– Я просто умоляю простить меня! – отвечал Хряпин. Коммуникационное наполнение – мимика, жестикуляция, интонации – было в наличии, но использовалось им с весёлой небрежностью. – Я готов бросить на асфальт собственный пиджак и встать на колени перед вашей подругой и вами лично.

– Пиджак? Зачем его бросать?

– Чтобы не испачкать брюк, когда паду ниц. Видите ли, если бы не крайняя степень необходимости, ваш покорный слуга промчался бы мимо. И в этом случае никогда, по-видимому, нам не представилась бы возможность познакомиться. Однако всё дело в том, что мой коллега входит в группу захвата. Я вынужден забрать его с собой. А без него, должен заметить, трудно будет провести операцию без людских потерь.

– Что-то я не понимаю... – спросила Полина. – Что вы собрались захватывать?

– Да ещё с людскими потерями! – добавила её подруга. – Вы же художники! А у художников, насколько я знаю, такие потери обычно происходят на почве пьянства.

Хряпин удивлённо взглянул на Тугарина и увидел, что тот из-за спин новых знакомых демонстрирует ему предназначенную предупреждающую гримасу. И Хряпин мгновенно

сориентировался.

– Значит, присутствующим, Гвидон, – сказал он голосом слегка разочарованного человека, – уже известно, что мы с тобой художники? Да, получилось не совсем удобно. И виновата в этом, как всегда, моя скромность.

– Ой-ой, вот уж действительно – скромность! – воскликнула подруга Полины.

– А я всегда думала, – поделилась своими мыслями Полина, – что скромность увлекает в заводскую, скажем, стихию или в поля урожайные. Что скромные работают на токарных всяких там станках, на слесарных... Только не художниками.

– И тем более – там, где людские потери бывают, – прибавила подруга Полины, чтобы не осталось сомнений, что шутка Хряпина понята и принята.

– Согласен. Меня разоблачили. Однако таких много, должен заметить. В шахту, например, лезут, я бы сказал, уже не совсем чтобы уж скромные. Кстати, Гвидон, – Хряпину необходимо было разобраться в ситуации, – ты почему никогда не знакомил меня со своими очаровательными знакомыми? Я, конечно, ничего не скажу, но я запомню.

– Да мы только что познакомились, – сказала подруга Полины.

Гвидон покивал, а затем объявил:

– Знакомьтесь, Шурик («Побудь-ка Шуриком!»). Мы с друзьями часто называем его Шуриком Балагановым («Это ещё лучше!»). – Гвидон повернулся к Полине и представил

её: – Полина Белькова, актриса драмтеатра, и её подруга... – Гвидон сделал паузу, в его положении неизбежную. – Да-да, и Кристина, – воспользовался он подсказкой.

Хряпин терялся в догадках. Ему, вроде бы, ясно было, что Тугарин Полине и Кристине представился художником не в целях волокитства, однако то обстоятельство, что вид Гвидон имел не рабочий, его смущало. Впрочем, учитывая уровень привлекательности новых знакомых, вполне возможно было допустить, что по вине одной из девушек, скорее всего, Полины, знакомство специального назначения дало эффект сопутствующего характера.

Как бы то ни было, он, «Шурик», должен вести себя достаточно определённым образом, что вполне созвучно чувственной музыке его устремлений. И вскоре Хряпин вслух строил планы совместного времяпрепровождения, с непринуждённостью предлагая свои варианты.

– Лично я, – говорил он, – страшный гурман. Обожаю хорошую кухню. Как насчёт галантина заливного и судака, фаршированного крабами? Под водочку. Как на это смотрите? Кстати, в этом случае крабов и судака можно заменить селёдкой.

– Пить водку? А почему не шампанское?

– Шампанское?! Что вы! Только водку! Одна бутылка водки сближает больше, чем семь бутылок шампанского. Установлено одним моим товарищем. Экспериментальным путём, кстати.

– Ах вот оно что! Каков! – воскликнула Кристина, отнюдь не возмущённо. – Так значит, вы желаете близости! Ну, Шурик! А не хотите ли вы узнать, Шурик, что мы замужем?

– Процентом на пятьдесят, – уточнила Полина. – Но мы только что пообедали.

– Брак – святое дело, – вздохнув и напустив на себя серьёзности, заявил Хряпин. – Последний вопрос, Кристина. Неосторожно подвергшихся вашим чарам, а затем сражённых наповал последним сообщением интересуется... Да, мне вот что интересно. Отвечает ваш муж предъявляемым требованиям?

– Что-что? Я что-то не понимаю.

– Хотел спросить, является ли ваш супруг мужем безмерно вас обожающим, заботливым? – Хряпин смотрел на Кристину соответствующим произносимым эпитетам взглядом и убирал незримые пылинки с её плаща. – Является ли он нежным и, в то же время, пылким до безрассудства? Или – так, компаньон брачного сожительства?

– Нет, он у меня, как вы и сказали, нежный и пылкий. И заботливый.

– В таком случае... вынужден вас поздравить.

Многозубый смех пассажиrow трамвая

Маленькие люди редко совершают великие глупости.

Гвидон Тугарин допустил неразумно огромную оплошность. Без каких-либо оснований и в более чем неблагоприятных для того условиях. Он попал впросак при исключительных обстоятельствах.

Господь Бог дал ему всё: достаточно здоровое физическое тело, активную волю и познающий разум. Его автономная личность обладает всеми возможностями свободу своих побуждений облекать в наряды разумного содержания. Противостоит же всему этому лишь косная сила забот материальной жизни, которая, как выразились бы в старину, без всякой причины и вида справедливого основания гвоздит трудовые будни печатью идиотизма.

Вечером Тугарин и Полина собрались в театр. Гвидон надел свой лучший костюм, серую тройку в бурую полобочку, окропил себя одеколоном франко-советского производства, нацепил малинового цвета бабочку, малиновым же шёлком платочка вспенил нагрудный карман пиджака и насовал денежных купюр разного достоинства в карманчики жилета. А про то, что художникам не предоставлено право бесплатного проезда в общественном транспорте, он забыл. И вспомнив об этом в трамвайной толчее, значительно позд-

нее, конечно же, того, как узнал о наличии проездного у Полины, он вынужден был, не прерывая непринуждённо пульсирующей беседы, расстёгивать плащ и пиджак, извлекать из карманчиков жилета скомканные листочки денег и в поисках купюры требуемого достоинства перебирать их пригнатыми к туловищу руками.

И вот именно в этот отрезок времени – ничтожной, в общем-то, продолжительности – трамвай с недопустимой резкостью отправился с очередной остановки. Тугарин, беспечно доверившись профессионализму водителя трамвая, потерял равновесие и начал заваливаться назад. Мелькнула мысль, что теснотою сближенные тела окружающих пассажиров не позволят ему упасть, и Гвидон поддался легкомысленно оформившемуся убеждению.

Однако случилось непредставимо иное – он упал на пол трамвая. Ничто существенным образом не помешало его падению. И затем Гвидон – в совершенном от удивления бездействии – лежал на этом полу, как ему потом представлялось, безосновательно долго.

А всего несколько секунд тому назад Гвидон готов был вообразить: он – в эпицентре жизни. И не секунды, не минуты, а десятки и даже уже сотни минут предыдущей жизни для него равнозначны были тому, чем для дирижёра и оркестра является начало предпоследнего акта. Он жил, казалось, исключительно полной жизнью и совершенно не подозревал, что максимальное включение в реальность ещё предстоит.

Два веера лиц образовали круг, они блестят глазами и разноцветными зубами улыбок. Гвидон мгновенно выявил лицо Полины и вспомнил элегантную фразу: «Падам до нужек шановни пани». Эти слова он произнёс всего несколько часов тому назад, уговаривая Полину отправиться с ним в театр. Вспомнил и покраснел. И понял, ну, осознал в полной мере, что все смеются над ним и хохот и смешки разных оттенков разгуливают под сводами трамвая.

Восприятие человеческих эмоций может изменяться. Веселье же окружающих явило образное впечатление омерзительности. Иначе и быть не могло, ибо скромнейшее мимическое движение грозило Гвидону болезненными ощущениями. Эти же смеются громко и многозубо. Гвидон не мог быть вместе с ними. Он поспешно поднялся на ноги. Это был интегральный акт всего организма. Что следовало делать дальше, он не знал. Отряхивать плащ и заднюю поверхность брюк? Состояние одежды обеспечивало наличие мёртвой зоны за его спиной, однако с боков Гвидона сжали с прежней бесцеремонностью.

– Наша остановка, выходим, – шепнула Полина.

Тугарин с усилием повернул втянутую в плечи голову в сторону окон трамвая. Полина была неправа – впереди ещё два перегона. Однако спорить Гвидон не стал. Он опустил глаза вниз и приступил к ходьбе на месте, невольно обозначив таким образом и согласие своё, и даже некоторое нетерпение. Спустя несколько томительно медленно отживших

секунд он уже пробирался к выходу, с виноватой нежностью взглядывая в затылок Полины.

Потом Гвидон смотрел спектакль, а Полина комментировала его, указывая театралу-любителю на ошибки коллег.

Как хороши, как свежи будут розы...

Полина позвонила и попросила его прийти к Кристине. И по голосу Гвидон Тугарин понял: что-то её тревожило.

– Случилось что-нибудь? – спросил он.

– Какие-то типы увязались за мной, – сказала Полина. – Выходить боюсь. Что им надо, не знаю.

Тугарин записал адрес Кристины и поспешил на зов встревоженной девушки. Самоощущение его можно было бы определить как одну из разновидностей романтического подъёма, некоторое своеобразие которой придавала дюжина следующих слов: «Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб». Эти слова оседлали одну из безропотных мелодий и крутятся по зримой орбите его сознания.

Возле дома Кристины чего-либо подозрительного Гвидон не обнаружил. Он вошёл в подъезд и под аккомпанемент к ступенькам приспособившейся мелодии взбежал по лестнице на уровень нужной квартиры. У самой двери что-то придержало его и заставило обернуться. Над изломом уходящих на пятый этаж перил Тугарин увидел наблюдающего за ним парня. Облака табачного дыма свидетельствовали о том, что он был там не один.

Этих ребят необходимо повнимательней рассмотреть, решил Гвидон. Он постоял пару секунд словно бы в задумчи-

вости, потом повернулся и стал подниматься на пятый этаж. Он неспеша прошёл мимо двух здоровенных парней, от него отвернувшихся, затем неожиданно остановился и оборотился назад.

– Не скажете, ребята, – заговорил он, – я что-то забыл... Я забыл, в пятьдесят восьмой или в пятьдесят четвёртой живёт женщина по имени Кристина?

– В пятьдесят четвёртой. Если ты действительно забыл, – ответил парень в рыжей кожаной куртке и брюках болотного цвета. Теперь он смотрел прямо в глаза Гвидону, и – с вызовом.

– А вы что, ребята, живёте в этом подъезде?

– Не живём, но – знаем.

– Знакомы с ней, я так понял? – продолжал расспрашивать Гвидон, делая вид, что не замечает наполняющего атлетов раздражения.

– Вопросов, парень, задаёшь много. Ты сам-то чьих будешь?

– Вопрос не понял, – отдельно произнёс Гвидон. – Я художник, если вас интересует моя профессия.

– Ты под дурочку-то не коси. Скажи-ка, лучше, кто такую пешку, как Белькова, по доске двигает? Кто и чего хочет добиться рассказами о покойничках? – последовали вопросы.

– Вы, мальчики, изъясняетесь крайне загадочно. Почему? – Гвидон Тугарин обращался к обоим одновременно, хотя до сих пор разговаривал с ним только парень в рыжей

куртке, второй, в чёрной куртке монгольского производства, не проронил ни слова. – Мною же руководит утилитарнейший интерес. К Кристине к тому же. А кто такая Белькова, я и понятия не имею.

– А вот это ты уже врёшь, дорогуша! – заявил рыже-болотный, заступая Гвидону дорогу. – Видели тебя с Бельковой, чтоб был в курсе.

– На понт берёте, мальчуганы, как я понимаю? – Гвидон и в самом деле сомневался, что его могли уже видеть с Полиной. – А зачем вам эта Белькова? Объяснили бы. А?

– Да ты ведь не хочешь понять... что мы не шутим. Пока, – оппонент поднял руку с растопыренными пальцами, а затем, соединив их в кулак, ткнул Гвидона кулаком в плечо, – рожу тебе не помнём, видно.

– Эти слова звучат как угроза! – Гвидона неотвратимо несло на стремнину обострения ситуации. – А если я сейчас на счёт: «кий – я», на выдохе?

Гвидон отбрасывает правую ногу в сторону, свободно роняет вдоль тела полусжатые кулаки и, вдыхая смрад прокуренного подъезда, разворачивает плечи и вскидывает голову.

– На вдохе и обратно получишь, – ухмыляется преградивший ему путь. – Если, конечно, выдохнуть успеешь.

– Я-то успею, будь в надежде! Шибко тоскливо будет.

– Неужели?

– Я уверяю, это так.

– Ага.

Хотя это «ага» и прозвучало не без издёвки, Гвидоном начало овладевать убеждение, что мордобой не является неизбежным. И он без прежнего металла в голосе сказал:

– Но я предпочёл бы перенести разрешение всех вопросов на свежий воздух. Здесь слишком велика концентрация оксида углерода. Как бы вы ни волновались, я всё-таки не рекомендовал бы, господа... Так много, господа... курить-то бы...

Последние слова Гвидон произносил в сложных условиях, ибо кулаки противника, вызывающе скомкав лацканы его плаща, дружно соединились около лица в жёсткую конструкцию. Процесс коммуникации оказался под угрозой краха.

– Слушай, ты! Что вы хотите?

– Странный вопрос... Милейшая женщина. Я увлёкся... И попросил бы оставить в покое мою одежду!

– Пожалуйста, – ответил парень, затем отпустил левый лацкан и, коротко взмахнув огромной кистью, ударил Тугарина в незащищённый лоб кулаком.

Удар был очень силён. Оставь его противник в покое и второй отворот плаща, Тугарин, без сомнения, упал бы навзничь. Однако этого не случилось, и Гвидон благополучно уселся на лестничной площадке.

– Всё ещё увлечён? – услышал он. – Красивая, говоришь? А может, другие интересы? Не пришло ли время сознаться?

– Я согласен с вашим определением, хам! – Гвидон откинул голову назад и попытался взглянуть на «хама» свысока,

но лицо того оказалось где-то за пределами дуги, по которой независимым маятником раскачивался взгляд непослушных глаз. – Только я ваш... эпитет возвёл бы... в превосходную степень, – договорил-таки Гвидон.

– Но эта самая Кристина, – негодяй нагнулся к Гвидону, и лицо его уселось на дугу маятника, – замужем, как тебе должно быть известно. Говори, чего вы добиваетесь? Кто и чего хочет добиться?

Гвидон Тугарин с достаточным уважением относился к институту семьи и при других обстоятельствах не преминул бы недвусмысленно о том заявить. Однако ситуация предопределила иное заявление.

– Если женщина увлекается мною, отношусь к этому с пониманием, – сказал Гвидон. – Всегда и во всех случаях. Даже если замужняя.

Новый удар обрушился на его голову, удар настолько сильный, что Тугарин, кажется, готов был пожалеть, что столь легкомысленно одел свою безгрешную душу в рубище несправедливого вожделения. Хотя и не мог не понимать, несмотря на все потрясения, что суть претензий к нему заключается в чём-то ином.

– Но это же нехорошо. И это, как ты уже мог заметить, сурово осуждается. Так же, впрочем, как и всякие мистификации.

– Обывательские мерки могут подойти политику или чиновнику, но... не свободному художнику! – выговорил Гви-

дон и погрузился в сумеречное состояние.

Золотая середина – и жить, и не умирать. На драгоценную нить её жизнь нанизывает человечков: кого-то – с основательностью предвечности, а кого-то и так, с расточительной небрежностью, за мякоть икры, за сегмент пятки, – вот и бьётся он головою о суровые опоры обстоятельств.

– Что с тобою, дружище, произошло? – в понедельник утром спросил Хряпин, увидев Гвидона Тугарина.

Нетрадиционность приветствия объяснялась наглядностью последствий импровизированной подъездной дискуссии.

– Не знаю, насколько я прав, – против воли своей Тугарин прошёл к зеркалу и принялся осматривать ссадину на лбу и гримом прикрытый синяк под глазом, – но, похоже, я напал на какой-то след, точнее, влез туда, где следы эти могут обнаружиться.

Тугарин поделился впечатлениями неудачного дня.

– Почему оружие не применил? – помрачнел Хряпин.

Он болезненно относился к избиениям его подчинённых, потому как не принадлежал к числу тех, кто не чувствует оскорбительности побоев. «Бьют слабых, а гордых и независимых убивают», – любил он повторять.

– Имидж сохранить хотел, – вздохнул Тугарин.

И во вздохе его Хряпин почувствовал обезоруживающую мощь трагизма. Да и знал он, что ни личная гордость, ни понятие сословной чести не были чужды Гвидону Тугарину.

– Следствия, истекающие из последних событий... – проговорил Хряпин и выжидающе замолк.

– Если абстрагироваться от личности Полины – она чудная девушка, поверь! – в этом случае я посмел бы предположить, что она и в самом деле связана преступным, увы, образом с Михаилом Скалыгой! – Гвидон сцепил пальцы рук и увяз печальным взглядом в законной непроглядной прозрачности небес.

– Ну!

– И ребята те, с которыми я столкнулся, – люди Срезнева, полагаю. И... Полине, как и Скалыге, угрожает опасность.

– В камере следственного изолятора Скалыга чувствовал бы себя в безопасности. Как, впрочем, и Белькова.

– Ещё бы денёк-два, и я бы разобрался... в некоторых привходящих обстоятельствах, – сказал Тугарин.

Хряпин посмотрел на него пристальным взглядом, намереваясь классифицировать степень убеждённости коллеги в ожидаемом успехе.

– Идеализируешь предмет своих воздыханий, Гвидон. И зря. Этим делу не поможешь. Надо предъявлять Скалыгу на опознание Оборкину, брать образцы почерка Бельковой, а заодно, может, и её подруги Кристины, и сразу же – обыски, допросы... Со следствием сегодня заранее все вопросы решим, подключим кого надо, чтобы все мероприятия всесторонне... – с всё возрастающим подъёмом говорил Хряпин. Он впал в состояние вдохновения в двух случаях: при виде

приятных женщин и при всеощущении перспективы быстрого и эффективного раскрытия преступления. – Время умственных актов установления истины прошло, пора действовать, брать быка за рога. Главное – все следственные действия сконцентрировать во времени. Действуем в жанре войсковой операции. А Павлика свозим в больницу и предъявим его Волкову. Согласен?

– Ну-у-у... – промычал Гвидон, потому что Хряпин излагал тот самый план мероприятий, который ранее ему же предлагался тем самым человеком, который план этот в данную минуту и выслушивал.

– Одним словом, – Хряпин поднялся и решительно прошёлся по кабинету, – ступай к себе и набросай последовательность всех действий. И помни: по времени всё должно быть просчитано педантичным образом. И будем согласовывать со следствием. Подобрать статистов для обоих опознаний тоже тебе придётся. В понятых, я думаю, недостатка не будет. Обеспечение явки – на тебе. Проколов тут быть не должно. Короче, как ты сам же и говоришь, всё – в кратчайшие сроки на режиме зависания. Понятно? Транспорт беру на себя. Сегодня всех обзвонишь, а надо будет, на машине сгоняешь. Ты почему всё ещё здесь? Вперёд! – без всякого перехода закончил он разговор, однако, видя, что Тугарин по-прежнему ерошит волосы, поникнув над приставным столиком, успокоил: – А вопросы, Гвидон, всегда были, есть и будут. Наверняка и завтра ещё не раз коррективы вно-

сильно придётся. Кстати, пуля, извлечённая из стены в квартире Срезнева, является частью патрона винтовочного целевого под названием «Экстра».

– Не может быть! Получается, стреляли не из «макарова»?

– Получается. Из малокалиберной винтовки, самодельного пистолета, возможно, обреза. Пуля сильно деформирована – шибко не разберёшь... Думал, ты уже ознакомился с заключением экспертизы.

– Впервые слышу! – ответил Гвидон, и нехорошее предчувствие неприятно дохнуло на него.

Тугарин с трудом извлёк себя из начальственного кабинета и ушёл к себе. Здесь всё было привычно, но не доставало уюта. И не было самого необходимого – тишины: Маврин допрашивал работницу обворованного ночью «комка», громко переживавшую. Сколько планов было у них с Мавриным по благоустройству кабинета! Ярких и даже оригинальных. Где они теперь, нелепые, как мода старшего поколения?

Гвидон и сам не смог бы объяснить, почему образ хода расследования не дотягивает до стадии единства, упорно удерживаясь на предыдущей ступеньке – цветущей сложности. Горсточку бы времени, чтоб попытаться отжать эликсира мысли! Но оно, бегущее мимо время, предпочитает извлекать из людей автоматизированные движения. День короток – надо спешить. В атмосфере пасмурного раздрая обыденности, ориентируясь на тусклый огонёк версии, следует определить и ввести в единое русло дублирующие партии.

И вскоре внешнее течение времени отыскало путь к вместилищу душевного беспросветья и заглушило нерешительную возню мыслей, бесцеремонно прогнав их в область протоматериальную. Вдохновение ходит мелкими шажками. И это – в условиях всеобщего дефицита времени. А ждать некогда. Да и стоит ли? Ведь никто не знает, в которой голове оформится очередная космопланетарная концепция. Или хотя бы просто нужная мысль.

И Тугарин всё успел. До наступления ночи.

В жанре войсковой операции

Будничная дата следующего дня вошла в историю жизни Гвидона Тугарина просторным лоскутом цвета маренго. Строящая, сплывающая, движущая и соразмеряющая энергия расследования с самого утра проявила губительную склонность уменьшаться под воздействием неудач.

Тугарин спешил в кабинет Хряпина, когда с порога был возвращён к своему столу телефонным звонком Шмехова.

– Побеседовал я ещё раз с Волковым, – сообщил Шмехов ленивым голосом и замолчал, подленькой паузой вымогая встречные вопросы. Однако Тугарин, как он ни спешил, поджал губы и мужественно пережил паузу. – Но прежде чем повторно потрошить Волкова, осмотрел я то место, где он с землей соединился. Упал он в пяти метрах от стрелки... Врубаешься? В пяти метрах за стрелкой.

– Ну и что?

– Как что? Я и сразу-то ему не поверил. А тут смотрю – путейцы кувалдами машут. В чём дело, спрашиваю. Рельсы сверх норматива разошлись, отвечают. Врубаешься?

Несмотря на явную близость к прозрению Тугарин отделился мычанием неопределённого назначения:

– М-м-мым.

– Составил я протокольчик осмотра, справочку соответствующую в дистанции путей взял... И, как ты уже дагадал-

ся, – к Волкову. Ну и раскололся он, естественно. Оказыва-
ется, на ступеньках вагона стоял и малую нужду справлял.
А на стрелке-то вагон и трянуло. Ясна механика? Полетел
он на соседние рельсы, махая ручонками, и про ширинку за-
был.

– Что ж он тогда... Вот же мерзавец!

– А тут всё просто. Знакомый его в палате лежал, когда мы
его с тобой потрошили. Неудобно, видишь ли, ему было...

– Одно опознание отпадает! – вбегая в кабинет Хряпина,
сообщил Тугарин и рассказал о звонке Шмехова.

В поисках успокоения он несколько раз пробежался по ка-
бинету и оказался у окна. Ворона, лапой прижав к мостовой
огромную кость, склёвывала мясную тухлятину. Подъезжа-
ющая «Волга» цвета сафари обеспокоила её, и ворона косо-
лапо побежала прочь от кости, тяжело поднялась на крыло.
Но отлетела она недалеко и скоро осела на растопыренные
пальцы ног, надеясь ещё вернуться.

– Что это?! Что я вижу! – закричал Тугарин.

Хряпин поспешно приблизился к нему и увидел, что
из автомобиля выходят Скалыга и двое рослых парней.

– Чего разволновался, не понимаю? – недовольно выгово-
рил Хряпин подчинённому.

– Это же те самые мордovorоты, которые следили за По-
линой и которые...

– И которым ты услужливо подставил свою физию... Да-а,
получается, что работали они во времена вашего знакомства,

вероятно, не на Срезнева. Так?

– Выходит, так. Хотя... – Тугарин неуверенно пожал плечами. – Срезнев и Скалыга, в общем-то, компаньоны.

– Ладно, разберёмся.

Опознание решено было проводить в кабинете Хряпина, просторном, на три окна аж, и с гигиеничными стульями в наряде розовой обшивки. И в девять сорок пять Тугарин ввёл Оборкина и проводил его к столу, за которым расположился Переплешин. После соблюдения необходимых формальностей Оборкину было предложено внимательно посмотреть на сидящих вдоль левой стены мужчин – Михаил Скалыга занял место посередине – и пояснить, знает ли он кого-либо из них, если да, то когда и при каких обстоятельствах произошла встреча.

– Да темненько было. А все эти...

– Посмотрите внимательно, – повторил Переплешин.

Оборкин обернулся и начал рассматривать предъявляемых на опознание лиц, поочерёдно, справа налево. Скалыга первым, с брезгливой торопливостью, осмотрел Оборкина и освободил свой взгляд для ироничных прогулок по лицам работников правоохранительных органов. Сидевшие по обе руки от него мужчины волновались, кажется, больше, чем он. Скалыга же по уровню тревожности не превосходил с любопытством взирающих на процедуру опознания понятых.

Тугарин напряжённо наблюдал за Оборкиным. Если бы у опознающего череп был прозрачен, то, пожалуй, Гвидон

с лёгкостью отслеживал бы импульсный ход зарождения и становления мыслей в голове Оборкина.

– Не, здесь нету его, – сказал Оборкин и решительно помотал головой. – Я б узнал, поди, чё уж! Совсем бессмысленный, что ли? Тот-от налетел... Рядом совсем был.

– Внимательнее будьте, – предложил Переплешин. – Может, на ноги надо поднять? Встаньте, опознаваемые!

– По росту-то, по фигуре подходят. Да. Обличье – другое. Не. Тот-от тоже тёмненький, конечно, но обличье другое. Уж за всяко-разно узнал бы я его. Узна-а-ал бы... Не, здесь нету.

Заключительные подписи поставлены. Скалыга поднимает глаза на Переплешина.

– Прощаться будем? Или ко мне ещё что-то есть?

Скалыга переводит взгляд на Хряпина, а затем на Тугарина. Смотреть на Гвидона особенно приятно – уж очень глубоко и наглядно переживает он крах прижившейся версии.

– Прошу вас, Михаил Иванович, ещё немного задержаться, – сухо говорит Хряпин.

Он встаёт и с видимым раздражением ожидает, когда Переплешин уберётся из-за его стола. И спустя полминуты в кабинете, кроме него самого, остаются лишь Скалыга и Тугарин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.